

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРИМЕНЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ
В СФЕРЕ ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ
КОНКУРЕНЦИИ, СВЯЗАННОЙ С НЕЗАКОННЫМ
ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕЗУЛЬТАТОВ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

(по материалам II Международной научно-практической конференции,
Саратов, 25 ноября 2014 г.)

г. Саратов
2014

УДК 346.564
ББК 67.404
А43

Настоящее издание не является сборником тезисов докладов, так как представленные материалы различны по объему и форме подачи. Каждый из авторов имел возможность выбрать свой стиль изложения, который он считал наиболее приемлемым. Все тексты публикуются в авторской редакции.

А43 **Актуальные проблемы применения юридической науки и практики в сфере пресечения недобросовестной конкуренции, связанной с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности** : сб. науч. тр. по матер. II Междунар. научно-практ. конф. (Саратов, 25 ноября 2014 г.) / ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: «ИП Коваль Ю.В.», 2014. — 128 с.

ISBN 978-5-9905378-6-6

В сборник вошли статьи участников II Международной научно-практической конференции, «Актуальные проблемы применения юридической науки и практики в сфере пресечения недобросовестной конкуренции, связанной с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности».

Для преподавателей, аспирантов, студентов, ученых-юристов, практических работников.

УДК 346.564
ББК 67.404

ISBN 978-5-9905378-6-6

© ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014
© «ИП Коваль Ю.В.», 2014

Содержание

Борисова Л. Н. ЗАЩИТА НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ	4
Шугурова И. В. ФОРМЫ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	9
Ермаков А. Н., Захарьячева И. Ю. ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)	19
Акимова М. А., Кожокарь И. П. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ИНЫХ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ЗАЩИТУ КОНКУРЕНЦИИ	29
Лещенко О. К. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНТНОГО ОБЩЕСТВА	45
Трофименко А. В. О ПРЕСЕЧЕНИИ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАИМЕНОВАНИЙ ДОМЕНОВ	54
Ткаченко Е. В., Фомичева Р. В. СУД ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПРАВАМ В СИСТЕМЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ РОССИИ	62
Азаренко А. А. ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ И СОПОСТАВЛЕНИЯ ВЫВОДОВ ЭКСПЕРТОВ В РАМКАХ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О НАРУШЕНИИ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	71
Акбашева З. Х. ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЛ, РАССМОТРЕННЫХ БАШКОРТОСТАНСКИМ УФАС РОССИИ	75
Акимкина Е. А. НАНЕСЕНИЕ (ВОЗМОЖНОСТЬ НАНЕСЕНИЯ) УЩЕРБА ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ КАК ОДИН ИЗ КОМПОНЕНТОВ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ	81
Захаров Д. В. ИСХОДНЫЙ КОД ИНТЕРНЕТ-САЙТА, КАК ПРЕДМЕТ НАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 14 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 26.07.2006 № 135-ФЗ «О ЗАЩИТЕ КОНКУРЕНЦИИ»	86
Титова М. В. ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ФИРМЕННОГО НАИМЕНОВАНИЯ КАК СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА	90
Кузнецова Д. А. ДОБРОСОВЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ОЦЕНКИ КОМИССИИ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ОРГАНА	95
Елканова Д. И. НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В РЕКЛАМЕ	105
Иванов А. И. ПИРИНГОВЫЕ СЕТИ И ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН ОТ 02.07.2013 № 187-ФЗ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ»	114
Ермолаева Н. А., Ильгова О. О. ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ	119
Зубрилина А. В. ЗАЩИТА ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	123

Л. Н. Борисова

Руководитель Управления Федеральной антимонопольной службы по Саратовской области, заведующий базовой кафедрой конкурентного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук

ЗАЩИТА НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Народные художественные промыслы России — неотъемлемая часть отечественной культуры. В них воплощен многовековой опыт эстетического восприятия мира, обращенный в будущее, сохранены глубокие художественные традиции, отражающие самобытность культур многонациональной Российской Федерации.

Неповторимые художественные изделия народных промыслов России любимы и широко известны не только в нашей стране, они стали символами отечественной культуры, вкладом России во всемирное культурное наследие.

Федеральный закон от 06.01.1999 № 7 «О народных художественных промыслах» регулирует отношения, в области народных художественных промыслов на территории Российской Федерации. Под народным художественным промыслом в указанном законе понимается одна из форм народного творчества, деятельность по созданию художественных изделий утилитарного и (или) декоративного назначения, осуществляемая на основе коллективного освоения и преемственного развития традиций народного

искусства в определенной местности в процессе творческого ручного и (или) механизированного труда мастеров народных художественных промыслов.

Также Федеральный закон от 06.01.1999 № 7 «О народных художественных промыслах» закрепляет понятие народного художественного промысла, определяя его как художественное изделие утилитарного и (или) декоративного назначения, изготовленное в соответствии с традициями данного промысла.

Так как ни в какой другой отрасли промышленности индивидуальный труд мастера не играет такой значительной роли, законодатель определил, кого следует понимать под мастерами художественного промысла, установив, что это физические лица, которые изготавливают изделия определенного народного художественного промысла в соответствии с его традициями.

Таким образом, федеральным законом от 06.01.1999 № 7 «О народных художественных промыслах» устанавливается статус народных художественных промыслов, но, несмотря на то, что им отведена роль одной из форм народного творчества, они также образуют товарный рынок.

Федеральным законом от 06.01.1999 № 7 «О народных художественных промыслах» установлен запрет на отнесение к изделиям народных художественных промыслов изделий, при изготовлении которых заимствованы художественно-стилевые особенности, характерные для определенного народного художественного промысла, но изготовлены не в месте его традиционного бытования. Также запрещается перепрофилировать деятельность организаций народных художественных промыслов в случае смены собственника.

Законом введено понятие «художественно-стилевые особенности народного художественного промысла», под которыми понимается совокупность средств художественной выразительности, приемов мастерства и традиционной технологии изготовления изделий народного художественного промысла, исторически сложившихся под влиянием

культурных, социальных и природных факторов места его традиционного бытования.

Предполагалось, что введение запрета на отнесение к изделиям народных художественных промыслов продукции, заимствующей художественно-стилевые особенности, характерные для определенного места традиционного бытования промысла, но изготовленной на другой территории должно стать гарантией того, что не будет «жостовских подносов» из Сергиева Посада, «ростовской финифти» из-под Шатуры, а ложек «под Хохлому» от китайских производителей.

Но, «продвинутые предприниматели», тоже предприняли контрмеры по продвижению своей продукции и «уходу от нечестной конкуренции». Нам пришлось рассматривать ситуацию, в которой общество заказало физическому лицу изготовить рисунок для последующего производства елочных украшений. Выполнив заказ, физическое лицо передало обществу рисунок Гжели. Затем общество заказало изготовление елочных игрушек из пластмассы китайской фирме. Выполненный заказ был ввезен на территорию Российской Федерации. В сопроводительных документах было указано наименование места происхождения товара Гжель, а впоследствии фотография изделия с указанием наименования места происхождения товара Гжель и цены была размещена на сайте другого общества, входящего в одну группу лиц с первым. При этом, конечно же, общество заявляло об отсутствии в его действиях недобросовестной конкуренции, обосновывая это следующими аргументами: во-первых, рисунок изготовило физическое лицо; во-вторых, использование слова «Гжель» в сопроводительных документах при пересечении таможенной границы, не является введением товара в оборот; в-третьих, сайт данному обществу не принадлежит.

Но если по поводу того, что первым вводит в оборот товар тот, кто его заказывает, имеется судебная практика, а недобросовестной конкуренцией являются действия, в том числе совершенные группой лиц согласно определению, данному в ч.9 ст.4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ

«О защите конкуренции», то целый ряд вопросов, возникших при рассмотрении данной ситуации на сегодняшний день однозначно разрешен быть не может.

Уже достаточно давно обсуждается проблема соотношения составов ст.14.10 КоАП РФ и ч.2 ст.14.33 КоАП РФ. Для квалификации состава по ст.14.10 КоАП РФ важно, по какому классу МКТУ зарегистрирован товарный знак. В нашем примере изделия из глины и изделия из пластмассы — это разные классы МКТУ, а, следовательно, отсутствует состав ст.14.10 КоАП РФ.

Для состава ч.2 ст.14.33 КоАП РФ принципиально, чтобы товары обращались на одном товарном рынке, а товарный рынок определяется в соответствии со ст.4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» как сфера обращения товара (в том числе товара иностранного производства), который не может быть заменен другим товаром, или взаимозаменяемых товаров, в границах которой (в том числе географических) исходя из экономической, технической или иной возможности либо целесообразности приобретатель может приобрести товар, и такая возможность либо целесообразность отсутствует за ее пределами. Елочные украшения из глины и елочные украшения из пластмассы являются взаимозаменяемыми товарами, а значит, образуют один товарный рынок. В связи с этими обстоятельствами использование наименования места происхождения товара лицом, не являющимся правообладателем в отношении взаимозаменяемых товаров, на наш взгляд, образует состав недобросовестной конкуренции, административная ответственность за которую установлена ч.2 ст.14.33 КоАП РФ.

Вторая проблема может возникнуть при пересечении таможенной границы государства — члена Таможенного союза. Например, такая же ситуация как приведенная выше, только пересекается таможенная граница Республики Беларусь или Республики Казахстан. И, наоборот, пересекается граница Российской Федерации, а ввозятся изделия «под народные художественные промыслы» Республики Беларусь

или Казахстана. Можно ли отнести рынок к трансграничному, если реализовываться изделия будут на территории одного государства-члена Таможенного союза. Представляется, что вряд ли, поскольку у потребителей отсутствует экономическая, техническая или иная возможность либо целесообразность приобрести товар за его пределами.

Третий вопрос связан с тем, какой подход используется в Модельном законе «О конкуренции» применительно к отношениям, связанным с использованием исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ, услуг.

В соответствии с ч.3 ст.3 Модельного закона «О конкуренции» законодательством государства может определяться порядок применения закона государства к отношениям, связанным с использованием исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ, услуг.

Статьей 2 Федеральный закон от 06.01.1999 №7 «О народных художественных промыслах» предусмотрено, что отношения в области народных художественных промыслов, касающиеся правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, регулируются гражданским законодательством, а в соответствии со ст.1248 Гражданского кодекса РФ споры, связанные с защитой нарушенных или оспоренных интеллектуальных прав, рассматриваются и разрешаются судом. При этом в 4 части Гражданского кодекса Российской Федерации народно-художественные промыслы вообще не упомянуты. Отсюда еще одна проблема: вряд ли мастер народного художественного промысла сможет доказать наличие права на авторское вознаграждение при продаже экземпляра изделия.

Если рассматривать народные художественные промыслы как существующий товарный рынок, то можно утверждать, что указанные проблемы не способствуют развитию на нем добросовестной конкуренции.

И. В. Шугурова

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и международного частного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

ФОРМЫ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ¹

Право на защиту от недобросовестной конкуренции в сфере интеллектуальной собственности сформулировано на международном и национальном уровне. Парижская конвенция по охране промышленной собственности закрепляет обязательства всех стран-членов Парижского союза противодействовать недобросовестной конкуренции. Статья 10bis (2) конвенции определяет акт недобросовестной конкуренции как «всякий акт конкуренции, противоречащий честным обычаям в промышленных и торговых делах». В статье 10bis (3) называется неисчерпывающий перечень действий, подлежащих запрету.

Характерной чертой недобросовестного поведения предпринимателей является попытка приобретения неправомерного преимущества по отношению к деятельности другого лица или оказания влияния на потребительский спрос ложными или вводящими в заблуждение утверждениями. Конкретный перечень действий, составляющих недобросовестную конкуренцию, устанавливается в рамках внутригосударственного законодательства и практики.

Вместе с тем, примеры действий, составляющих недобросовестную конкуренцию, приводятся в Типовом законе по товарным знакам, фирменным наименованиям и актам конкуренции для развивающихся стран. Данный рекомендательный акт включает следующие виды запрещенной деятельности: 1) подкуп покупателей конкурентов,

направленный на то, чтобы привлечь их в качестве клиентов; 2) выяснение производственных или коммерческих тайн конкурента путем шпионажа или подкупа его служащих; 3) неправомерное использование или раскрытие ноу-хау конкурента; 4) побуждение служащих конкурента к нарушению или разрыву их контрактов с нанимателем; 5) угроза конкурентам исками о нарушении патентов или товарных знаков, если это делается недобросовестно и с целью противодействия конкуренции в сфере торговли; 6) бойкотирование торговли другой фирмы для противодействия или недопущения конкуренции; 7) демпинг, т.е. продажа своих товаров ниже стоимости с намерением противодействовать конкуренции или подавить ее; 8) создание впечатления, что потребителю предоставляется возможность покупки на необычайно выгодных условиях, когда на самом деле этого нет; 9) намеренное копирование товаров, услуг, рекламы или других аспектов коммерческой деятельности конкурента; 10) поощрение нарушений контрактов, заключенных конкурентами; 11) выпуск рекламы, в которой проводится сравнение с товарами или услугами конкурентов; 12) нарушение правовых положений, не имеющих прямого отношения к конкуренции, когда такое нарушение позволяет добиться неоправданного преимущества перед конкурентами².

Таким образом, недобросовестной конкуренцией в самом общем понимании является нечестная коммерческая деятельность. Законодательное определение недобросовестной конкуренции встречается достаточно редко. Так, в ст. 2 Федерального закона Швейцарии установлено, что признаются недобросовестными и незаконными любое поведение или коммерческая деятельность, которые являются обманными или нарушают любым иным образом правила добросовестности и воздействуют на отношения между конкурентами или поставщиками и клиентами.

О.А. Городов разделяет акты недобросовестной конкуренции на два вида в зависимости от типа используемой информации. Во-первых, это сведения, с помощью которых

достигаются конкурентные преимущества. Во-вторых, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, а также средства индивидуализации, используемые для достижения конкурентных преимуществ³. Такая классификация соответствует положениям Федерального закона «О защите конкуренции» 2006 № 135-ФЗ (ред. от 04.06.2014, с изм. от 21.07.2014). В соответствии со ст. 4 закона недобросовестная конкуренция — любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добросовестности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации.

Ст. 14 закона устанавливает запрет на недобросовестную конкуренцию. В частности, не допускаются следующие действия: распространение ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту либо нанести ущерб его деловой репутации; введение в заблуждение в отношении характера, способа и места производства, потребительских свойств, качества и количества товара или в отношении его производителей; некорректное сравнение хозяйствующим субъектом производимых или реализуемых им товаров с товарами, производимыми или реализуемыми другими хозяйствующими субъектами; продажа, обмен или иное введение в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ, услуг; незаконное получение, использование, разглашение информации, составляющей коммерческую, служебную или иную охраняемую законом тайну. Не допускается недобросовестная конкуренция, связанная с приобретением и использованием исключительного права на средства

индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг (ч.2 ст. 14 Закона).

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) признает, что некоторые виды лицензионной практики или условия, относящиеся к правам интеллектуальной собственности, ограничивающие конкуренцию, могут иметь неблагоприятное воздействие на торговлю и препятствовать передаче и распространению технологий (ст. 39). В Соглашении предусматривается, что государства-участники могут закрепить в своем законодательстве виды лицензионной практики или условия, которые в отдельных случаях могут называться злоупотреблением правами интеллектуальной собственности, имеющими неблагоприятное воздействие на конкуренцию на соответствующем рынке. Государства могут принимать надлежащие меры для предотвращения или регулирования такой практики (ст. 40). В частности, могут предусматриваться такие меры, как исключительные условия по обратной передаче покупателем лицензии технической информации продавцу лицензии; условия, предотвращающие оспаривание юридической силы, и принудительный пакет лицензионных условий, в соответствии с законами государства-участника. При этом страны-члены ТРИПС могут проводить консультации между собой по запросам, в целях обеспечения соблюдения законов по данным вопросам или в случаях, когда граждане этих стран подвергаются таким процедурам на территории другой страны (п. 3, 4 ст. 40).

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) категории актов недобросовестной конкуренции подразделяет на две группы, а именно: действия, прямо указанные в Парижской конвенции, и действия, прямо не указанные в ней. Статья 10 bis (3) содержит неисчерпывающий перечень трех видов актов недобросовестной конкуренции — действия, вызывающие смешение, дискредитирующие конкурента и вводящие общественность в заблуждение. Однако существует ряд действий, не упомянутых в указанной

статье, но признаваемых судами в качестве нечестной деловой практики, которые во все более возрастающей степени становятся предметом законодательного регулирования. В связи с этим интерес представляет тренд охраны торговых секретов посредством положений о недобросовестной конкуренции и продолжающееся развитие регулирования практики сравнительной рекламы.

Следует отметить, что определение недобросовестной конкуренции как актов, противоречащих честным торговым обычаям и добросовестности, не устанавливает четких ориентиров норм поведения. Эти нормы отражают экономические, социальные, этические принципы общества, которые могут отличаться в разных странах. Кроме того, с развитием Интернета возникают новые виды актов недобросовестной конкуренции.

Наиболее распространенными являются действия, вызывающие смешение, дискредитацию конкурентов и использование вводящих в заблуждение указаний. Помимо этого в качестве недобросовестной конкуренции признаются такие действия, как раскрытие секретной информации, неправомерное использование достижений другого лица, сравнительная реклама и другие. Характерной особенностью при этом является стремление предпринимателя приобрести неправомерные преимущества по отношению к деятельности конкурента. Кроме того, может оказываться влияние на потребительский спрос ложными или вводящими в заблуждение утверждениями.

Действия, вызывающие смешение. Статья 10 bis (3) Парижской конвенции обязывает страны-участницы запрещать все действия, «способные каким бы то ни было способом вызвать смешение в отношении предприятия, продуктов или промышленной или торговой деятельности конкурента». Данная статья относится к любому действию в процессе коммерческой деятельности, касающемуся, например, товарного знака, обозначения, маркировки, девиза, упаковки, формы или цвета товаров, а также любого

другого отличительного указания. При этом запрету подлежит не только смешение в отношении указаний, используемых для разграничения товаров, услуг или коммерческой деятельности, но и смешение в отношении способа предоставления услуг. Как правило, смешение имеет место в двух основных областях — указание коммерческого происхождения товаров и внешний вид товаров. В качестве примеров можно привести следующие действия. Компания по производству безалкогольной продукции использует бутылки, очень похожие не те, что использует «Кока-кола»; дизайн интерьера и мебель ресторана почти идентичны тем, которые имеются у конкурента.

Введение потребителей в заблуждение. Парижская конвенция (ст. 10 bis) относит к запрещенным «указания или утверждения, использование которых при осуществлении коммерческой деятельности может ввести общественность в заблуждение относительно характера, способа изготовления, свойств, пригодности к применению или количества товаров».

Один из самых распространенных способов введения потребителей в заблуждение — реклама. Можно предположить, что в отношении каких-либо товаров российские потребители предпочитают отечественную продукцию. В таком случае поставка в Россию импортных товаров с ложным указанием на их российское происхождение должна квалифицироваться как акт недобросовестной конкуренции, даже если качество зарубежных товаров будет выше.

В рамках недобросовестных действий осуществляется распространение ложной или способной ввести в заблуждение информации о собственном товаре, либо правдивой информации о собственном товаре, однако создающей ложное представление о продуктах или услугах конкурента. В результате таких действий потребителю может быть причинен финансовый или иной ущерб. Следует отметить, что понятие «введение в заблуждение» не ограничивается заведомо ложными заявлениями или утверждениями. Считается

достаточным, если эти заявления, даже правдивые по существу, могут ввести в заблуждение.

В разных странах подходы к тому, что считать введением в заблуждение, различаются. Так, во многих странах явное преувеличение не квалифицируется как введение в заблуждение, поскольку его можно рассматривать как рекламное сообщение. В некоторых странах (например, в ФРГ) исходят из принципа, что публика воспринимает серьезно все рекламные утверждения, особенно те, в которых товар представляется как уникальный (наилучший, первоклассный). Другие страны (например, Италия и США) занимают противоположную позицию и допускают общие формулировки, в том числе утверждения об уникальности товара. (В США суды, как правило, рассматривают такие дела лишь в случаях, когда товар, рекламируемый как самый лучший, оказывается низкого качества). Можно найти примеры и в российской практике. В частности, на основании ст. 7 Закона «О рекламе» была запрещена демонстрация по телевидению рекламы жидкого отбеливателя «АСЕ» с фразой, что он отбеливает белье без разрывов, поскольку было доказано, что все отбеливатели, в том числе и рекламируемый, со временем портят белье. При этом представители фирмы-рекламодателя «Проктер энд Гэмбл» не смогли документально подтвердить правоту информации в рекламном ролике «Тетя Ася приехала»⁴.

Дискредитация конкурентов. В соответствии со ст. 10bis Парижской конвенции государства-участники обязаны запрещать «ложные утверждения при осуществлении коммерческой деятельности, способные дискредитировать предприятие, продукты или промышленную или торговую деятельность конкурента». В странах континентальной Европы возникло специальное гражданское правонарушение — коммерческая дискредитация. К этому правонарушению применяются более строгие правила, чем к клеветническим заявлениям, сделанным вне рамок конкуренции. В других странах считается, что нападки на конкурентов неизбежны.

Поэтому юридические меры принимаются исключительно против нападков с использованием ложных фактов. В этих странах, как правило, истец несет также бремя доказательства лживости заявления, что иногда является препятствием для обращения в суд.

Раскрытие секретной информации. Несанкционированное использование коммерческой тайны (ноу-хау) означает получение, использование, разглашение научно-технической, производственной или торговой информации, в том числе коммерческой тайны, без согласия ее владельца. Коммерческая тайна связана с предпринимательской деятельностью, образованием коммерческих структур, конкуренцией. Данные отношения регулируются не только законодательством о пресечении недобросовестной конкуренции, но и специальным законодательством о коммерческой тайне. Конфиденциальная информация может давать значительные конкурентные преимущества. Например, сведения о покупателях или потенциальных покупателях, секретный способ промышленного производства.

Различные методы предпринимательства и ноу-хау представляют собой закрытую информацию, если она имеет коммерческую ценность и владелец принимает меры к сохранению конфиденциальности. Некоторые технические новшества, обеспечивая преимущества коммерческого характера конкретному предпринимателю, могут не иметь достаточной новизны или изобретательского уровня и не могут быть запатентованы. Отдельные ноу-хау являются в принципе патентоспособными, но сохраняются в режиме коммерческой тайны. Так, известны случаи сохранения конфиденциальности на срок, во много раз более длительный, чем предусмотренный патентным законодательством. Например, секретная формула напитка «Кока-кола» сохраняется более ста лет. Если бы вещество было запатентовано, оно давно стало бы общественным достоянием.

Раскрытие секретной информации определено как акт недобросовестной конкуренции и в Соглашении ТРИПС,

которое обязывает страны-члены Всемирной торговой организации предоставлять охрану «закрытой информации».

В настоящее время достаточно распространенным становится такое явление, как промышленный шпионаж, под которым понимается незаконное получение, использование, разглашение информации, составляющей коммерческую, служебную или иную охраняемую законом тайну с целью получения преимуществ в предпринимательской деятельности и получения материальной выгоды. Например, Британская секретная служба MI5 обвинила Китай в том, что он устраивает прослушивание британских бизнесменов, чтобы потом шантажировать и выведывать коммерческие тайны⁵. Способы промышленного шпионажа могут быть различны. В частности, подкуп или шантаж обладателя информации; кража носителей с информацией; внедрение агента; прослушивание телефонных линий, незаконное проникновение в чужие компьютерные сети и т. д.

Неправомерное использование достижений другого лица. Имеется в виду так называемое «паразитирование», которое имеет много общего с понятиями «смешение» и «введение в заблуждение». В самом широком смысле это форма конкуренции посредством имитации. Действия, вызывающие смешение или вводящие в заблуждение, как правило, предполагают паразитирование на достижении другого лица, и всегда рассматривается как недобросовестная практика. Примером может служить ослабление различительной способности или рекламной ценности товарного знака конкурента, например, в случае, если сходный товарный знак используется для несходных товаров или услуг.

Сравнительная реклама. Сравнительная реклама может представлять собой позитивную ссылку на чужой продукт или негативную ссылку, т.е. утверждение, что свой продукт лучше, чем продукт конкурента. Если товар конкурента общеизвестен, имеет место присвоение чужой репутации. В случае, когда продукт конкурента критикуется, можно говорить о дискредитации. Обе формы сравнения предполагают

несанкционированную ссылку на конкурента, который либо прямо называется по имени, либо вполне распознаваем потребителями (например, показана упаковка).

В последние годы сравнительная реклама не во всех странах рассматривается в качестве недобросовестной практики. Так, могут допускаться сравнения в отношении цен, если эта информация основана на правдивом, сопоставимом и обширном материале. В то же время недобросовестной может признаваться так называемая назойливая реклама. Например, реклама, чрезмерно использующая чувство страха в целях сбыта продукции.

Кроме названных действий актами недобросовестной конкуренции могут признаваться и другие формы поведения. В частности, использование методов стимулирования сбыта (лотереи, подарки и призы), которые направлены на понуждение потребителя к покупке. Так, например, испанский закон о недобросовестной конкуренции признает в ряде случаев недобросовестными действия по предоставлению в рекламных целях подарков и бонусов, если на потребителя возлагается обязанность по приобретению основного предоставления⁶. Помимо этого законодательством Испании запрещаются действия, вызывающие смешение с товарами конкурентов; введение конкурента или потребителя в заблуждение; распространение порочащих сведений; сравнение (в частности, сравнительная реклама); имитация; использование репутации третьих лиц; распространение или использование без разрешения обладателя промышленных секретов и ряд других действий⁷.

Таким образом, можно заключить, что если первоначальной целью законодательства о недобросовестной конкуренции была защита честного предпринимателя, то впоследствии было признано, что не менее важной является и охрана интересов потребителя. Поэтому современные нормы права в области недобросовестной конкуренции, в том числе и в сфере интеллектуальной собственности, выполняют задачи охраны интересов предпринимателей,

потребителей и сохранения конкуренции в интересах общества и экономики в целом.

¹ Работа выполнена по заданию Министерства образования и науки РФ № 2014/205 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания. Тема НИР «Проблемы международно-правовой политики и их влияние на национальное законодательство».

² См.: ВОИС — Всемирная организация интеллектуальной собственности. Общая информация. Публикация ВОИС № 400 (R). ВОИС, 2007. С. 14.

³ См.: *Городов О. А.* Недобросовестная конкуренция. — М.: Статут, 2008. С. 48.

⁴ Тетя Ася съехала с экрана // Российская газета. Ведомственное приложение «Экономический союз». 1997. 19 июля.

⁵ М15 обвинила Китай в «прослушке» британских бизнесменов // Российская газета. 31.01.2010.

⁶ См.: *Беликова К.* Недобросовестная конкуренция в свете законодательства Испании // ИС. Промышленная собственность. 2012. № 2. С. 53.

⁷ Там же. С. 52–56.

А. Н. Ермаков

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

И. Ю. Захарьяцева

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ЗАЩИТЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

Средствами индивидуализации являются обозначения, служащие для различения юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий: фирменные наименования, товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товара, коммерческие обозначения. Защита прав на средства индивидуализации осуществляется в соответствии с общими положениями главы 69 Гражданского

кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ), а также специальными положениями главы 76 ГК РФ.

В соответствии с п. 1 ст. 1248 ГК РФ, споры, связанные с защитой нарушенных или оспоренных интеллектуальных прав, рассматриваются и разрешаются судом. Подведомственность споров о нарушениях интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, определяется исходя из субъектного состава участников спора, если такой спор связан с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности¹.

Исключительные права на средства индивидуализации могут принадлежать только субъектам предпринимательской деятельности: юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям. Споры между указанными субъектами, связанные с защитой прав на средства индивидуализации, носят экономический характер, поскольку связаны с осуществлением предпринимательской деятельности.

Экономические споры и иные дела с участием организаций, являющихся юридическими лицами, граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя, в соответствии с ст. 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — АПК РФ) отнесены к компетенции арбитражных судов.

Доказывание по делам о защите исключительных прав на средства индивидуализации осуществляется в соответствии с правилами, закрепленными в нормах арбитражного процессуального законодательства.

Общее правило распределения обязанностей по доказыванию закреплено в ст. 65 АПК РФ, согласно которой каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. Перечень фактических обстоятельств,

подлежащих установлению по делу, определяет арбитражный суд.

Так, ГУП «Леноблинвентаризация» обратилось в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области с иском к ООО «Коммунарское БТИ» об обязанности ответчика прекратить использование фирменного наименования «Коммунарское БТИ» путем внесения изменений в учредительные документы об исключении из фирменного наименования ответчика слов «Коммунарское БТИ». До принятия решения по делу истец изменил исковые требования и попросил обязать ответчика прекратить использование коммерческого обозначения «Коммунарское БТИ» путем внесения изменений в учредительные документы об исключении из фирменного наименования ответчика словосочетание «Коммунарское» и аббревиатуры «БТИ». В предмет доказывания по настоящему делу суд включил выяснение следующих обстоятельств: факт существования исключительного права истца на коммерческое обозначение, факт использования истцом и ответчиком для индивидуализации принадлежащих им предприятий тождественных (либо сходных до степени смешения) коммерческих обозначений, факт возникновения у истца исключительного права на спорное коммерческое обозначение ранее ответчика, факт нарушения ответчиком названного исключительного права истца. Отклоняя иск, суд сослался на отсутствие в материалах дела доказательств начала фактического использования истцом спорного обозначения как коммерческого обозначения предприятия, осуществляющего определенный вид деятельности, а также правовых оснований для признания наличия совокупности признаков, предусмотренных статьей 1539 ГК РФ, предопределяющих факт существования исключительного права истца на коммерческое обозначение².

Таким образом, если хотя бы одно из фактических обстоятельств, обосновывающих правоту стороны, не будет ею

доказано, соответствующие доводы судом будут отклонены, что в итоге и предопределяет выводы по делу.

Так, ЗАО «Наука» обратилось в суд с иском к АО «КДЦ «Наукамед» о защите исключительных прав на средства индивидуализации: товарный знак, фирменное наименование, коммерческое обозначение. Отказывая в удовлетворении иска в части защиты прав на товарный знак, суд указал, что согласно свидетельству на товарный знак словесный элемент «Наука» является неохраняемым в составе товарного знака. В связи с этим обстоятельством суд исходил из того, что неохраняемость элемента товарного знака означает, что использование ответчиком этих неохраняемых элементов не влечет правовых последствий, предусмотренных нормами законодательства в отношении товарных знаков. Доказательств использования товарного знака истца в целом, как такового, то есть в том же графическом, цветовом и фантазийном исполнении, истцом в материалы дела не представлено³.

Норма ст. 65 АПК РФ применяется при рассмотрении любых категорий дел, если только нормами федерального законодательства не будут предусмотрены специальные правила, изменяющие общий порядок распределения обязанностей по доказыванию, которые в теории получили название доказательственных презумпций.

Презумпции, подлежащие применению судом при рассмотрении дел о защите исключительных прав, содержатся в нормах части 4 ГК РФ. Одна из них — презумпция вины нарушителя интеллектуальных прав закреплена в ст. 1250 ГК РФ. Следует отметить, что вина является одним из условий привлечения лица к гражданско-правовой ответственности, если только иное прямо не предусмотрено законом. Аналогичным образом это положение о применении мер ответственности раскрывается в нормах части 4 ГК РФ, если объектом спора являются интеллектуальные права.

По общему правилу, меры гражданско-правовой ответственности за нарушение интеллектуальных прав подлежат применению при наличии вины нарушителя, однако

отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим интеллектуальные права. Диспозиция нормы ст. 1250 ГК РФ адресована в большей степени не истцу, который лишь утверждает о наличии в действиях нарушителя вины, а ответчику, который должен обосновать отсутствие своей вины посредством представления соответствующих доказательств.

Так, Компания «Пауланер Брауерай ГмБХ Ко. КГ» обратилась в Арбитражный суд города Москвы с иском к ООО «ВАТЕРГРУПП» с иском о защите прав на товарный знак. Удовлетворяя иск, суд указал, что ответчик, являясь лицом, осуществляющую предпринимательскую деятельность, при достаточной степени заботливости и осмотрительности имел возможность получения соответствующих прав на законное использование товарных знаков. Однако этого не сделал и не представил суду доказательств, свидетельствующих об отсутствии его вины. При рассмотрении настоящего спора судом установлено наличие вины ответчика в форме неосторожности, поскольку ответчик, осуществляя предпринимательскую деятельность при осуществлении купли-продажи товаров, которые в силу своей специфики потребления и назначения, могут содержать средства индивидуализации, не проявил той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, и не принял все меры для надлежащего исполнения этого обязательства⁴.

Проиллюстрированная доказательственная презумпция вины нарушителя применяется преимущественно при рассмотрении требований, связанных с использованием способов защиты превентивного и восстановительного характера. Для применения мер ответственности в денежной форме ГК РФ устанавливает специальные правила. В частности, возмещение убытков и взыскание компенсации как меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав, допущенное нарушителем при осуществлении им предпринимательской деятельности, подлежат применению независимо от вины нарушителя, если такое лицо не докажет, что

нарушение интеллектуальных прав произошло вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств.

Так, по делу по иску ООО «Казанский сувенир» к индивидуальному предпринимателю Тимофеевой о взыскании компенсации за незаконное использование товарного знака суд указал, что ответчик не может быть освобождён от гражданско-правовой ответственности, в том числе в связи с отсутствием его вины, поскольку его деятельность является предпринимательской и осуществляется с учётом рисков и возможных негативных последствий, ей присущих. Следовательно, ответчик может быть привлечён к ответственности за нарушение исключительных прав в виде взыскания с него компенсации за незаконное использование товарного знака и при отсутствии его вины. Каких-либо доказательств наличия обстоятельств непреодолимой силы, сделавших невозможным соблюдение исключительных прав истца на товарные знаки, ответчиком в материалы дела не представлено⁵.

Распределение обязанностей по доказыванию вместе с тем зависит от специфики избранного истцом способа защиты своих нарушенных или оспариваемых прав, предопределяющего формирование предмета доказывания по делу. Нормы части 4 ГК РФ закрепляют особенности использования различных способов защиты интеллектуальных прав.

К примеру, правообладатель товарного знака вправе заявить требования к правонарушителю о возмещении убытков (ст. 15, п. 3 ч. 1 ст. 1252 ГК РФ) или выплате компенсации (ч. 3 ст. 1252, ч. 4 ст. 1515 ГК РФ). Положения параграфа 2 главы 76 ГК РФ не содержат ограничений в исчислении объема убытков, причиненных незаконным использованием товарного знака, в связи с чем их размер может быть сколь угодно большим. Вместе с тем, заявляя требование о взыскании убытков, правообладатель обязан доказать как минимум три основных факта: незаконное использование товарного знака, причинение имущественного вреда (реального ущерба и (или) упущенной выгоды), причинно-следственную связь

между незаконным использованием товарного знака и причиненными убытками.

Правовой основой взыскания компенсации за незаконное использование товарного знака является ч. 4 ст. 1515 ГК РФ, которая регламентирует два самостоятельных механизма исчисления размера компенсации. В первом случае размер компенсации ограничивается только минимальными и максимальными рамками: от десяти тысяч до пяти миллионов рублей. Во втором случае сумма компенсации определяется в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, или в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака.

Оставляя за рамками статьи размышления о правовой природе компенсации и ее соотношении с другими мерами гражданско-правовой ответственности, отметим, что сущность компенсации как некой денежной суммы, взыскиваемой с правонарушителя в пользу правообладателя, в п.п. 1 и 2 ч. 4 ст. 1515 ГК РФ неидентична. Согласно правилу пункта 1, размер компенсации не имеет четкой привязки к виду правонарушения, его последствиям и прочим обстоятельствам, а потому первоначально определяется исключительно по усмотрению потерпевшего лица. В выборе суммы компенсации заявитель связан только ее минимальными и максимальными рамками, установленными гражданским законодательством.

Так, ООО «Маша и Медведь» обратилось в Арбитражный суд Московской области с иском к ООО «Терминал-Сервис» о взыскании компенсации за нарушение прав на товарный знак «Маша и Медведь» в размере 50000 рублей. Требования истца были удовлетворены в полном объеме, поскольку, как указал суд, были заявлены обоснованно, подтверждены материалами дела, основаны на нормах действующего законодательства и не оспорены ответчиком⁶.

Право на выплату компенсации закон не связывает с какими-либо дополнительными условиями, кроме доказанности факта правонарушения, однако это не означает, что компенсация всегда будет присуждаться судом в заявленном размере. Размер компенсации, согласно ч. 3 ст. 1252 ГК РФ, определяется судом в пределах, установленных кодексом, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости. Как указано в Постановлении № 5/29 от 26 марта 2009 г., принятого Пленумом Верховного Суда РФ и Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ⁷, при определении размера компенсации должны учитываться следующие обстоятельства: характер допущенного нарушения, срок незаконного использования результата интеллектуальной деятельности, степень вины нарушителя, наличие ранее совершенных лицом нарушений исключительного права данного правообладателя, вероятные убытки правообладателя. Перечисленные обстоятельства позволяют судам уменьшать заявленные суммы компенсации, однако, при этом остается открытым вопрос о том, относительно какой изначальной суммы такое уменьшение может иметь место. Представляет интерес и оценка в денежном эквиваленте, таких фактов, как, например, однократность или многократность нарушения, умысел или небрежность правонарушителя и т.д.

Анализ арбитражно-судебной практики позволяет констатировать, что заявляемый истцами размер компенсации охватывает весь диапазон предусмотренных законом рамок: от минимальных до максимальных. Учитывая, что суд не вправе уменьшить размер компенсации ниже 10000 рублей, указанный денежный эквивалент во всех случаях является достаточной и гарантированной суммой для взыскания. Вопрос о денежном эквиваленте обстоятельств, «смягчающих» или «отягчающих» ответственность нарушителя, в судебной практике решается неоднозначно, в обоснование чего приведем ряд примеров.

Так, компания «Роберт Бош ГмбХ» обратилась в Арбитражный суд Ивановской области с иском о взыскании с ООО «ЖилРост» 50000 рублей компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак «BOSCH». Суд пришел к выводу о доказанности факта нарушения прав истца, однако удовлетворил требования частично, присудив истцу компенсацию в размере 15000 руб. В числе аргументов уменьшения заявленной суммы суд указал однократность нарушения ответчиком исключительных прав истца, отсутствие в материалах дела доказательств совершения такого правонарушения ранее. Эти обстоятельства позволили суду уменьшить размер компенсации более чем в три раза⁸.

В качестве еще одного примера уменьшения суммы компенсации можно привести следующее дело. ООО «Студия анимационного кино «Мельница» обратилось в арбитражный суд Нижегородской области с иском к ИП Поздеевой Ж. Е. о взыскании компенсации в размере 50000 руб. С учетом характера правонарушения и степени вины, суд посчитал возможным снизить размер компенсации до 20000 рублей (по 10000 рублей за незаконное использование каждого товарного знака), что, по мнению суда, не противоречит норме ст. 1515 ГК РФ и соответствует принципам разумности и справедливости⁹. В приведенных примерах судебной практики видно, что уменьшение суммы компенсации стало следствием установления «смягчающих» ответственность нарушителя обстоятельств.

В целом, следует признать, что к вопросу определения обоснованности суммы компенсации за незаконное использование товарного знака единый подход судебных органов отсутствует. Вместе с тем некоторые фактические обстоятельства, влияющие на исчисление размера компенсации, в судебной практике имеют определенный стоимостный эквивалент. К примеру, неоднократность совершения правонарушения позволяет судам увеличивать размер компенсации вдвое (при условии, что она не превышает размер заявленных истцом требований).

Так, ООО «Пирсен» обратилось в Арбитражный суд Калужской области с иском к ИП Кузнецову С. В. о взыскании денежной компенсации в размере 5000000 рублей за нарушение исключительных прав на использование зарегистрированного товарного знака «Золотая семечка». Арбитражный суд, рассмотрев дело, удовлетворил иск частично и взыскал компенсацию в размере 1500000 рублей. Арбитражный апелляционный суд решение суда первой инстанции изменил и взыскал с ответчика в пользу истца компенсацию за использование указанного товарного знака в размере 3000000 рублей. Оценивая размер начисленной компенсации, арбитражный апелляционный суд учел следующие обстоятельства: 1) продолжительный характер правонарушения (более одного года); 2) неоднократное нарушение ответчиком исключительных прав истца (подтвержденное имеющимися в материалах дела судебными актами); 3) значительный объем реализации ответчиком семян подсолнечника; 4) недоказанность доводов ответчика о незначительном объеме реализации продукции¹⁰.

Резюмируя небольшой экскурс в судебную практику, отметим, что доказывание по делам о защите исключительных прав на средства индивидуализации характеризуется спецификой, обусловленной применением специальных правил распределения обязанностей по доказыванию, формированием предмета доказывания в зависимости от выбранного способа защиты нарушенных прав, а также обоснованием размера компенсации как меры ответственности денежного характера.

¹ Постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // ВВАС РФ. 2009. № 6; БВС РФ. 2009. № 6.

² Решение арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 29 сентября 2014 г. по делу № А56-37249/2014: [электронный документ] // Официальный сайт федеральных арбитражных судов РФ — <http://ras.arbitr.ru/>. Дата доступа — 09 ноября 2014 года.

³ См.: Решение арбитражного суда Ростовской области от 5 ноября 2014 г. по делу № 53–17584/2014: [электронный документ] // Официальный сайт федеральных арбитражных судов РФ — <http://ras.arbitr.ru/>. Дата доступа — 09 ноября 2014 года.

⁴ См.: Решение арбитражного суда города Москвы от 7 октября 2014 г. по делу № 40–104452/14: [электронный документ] // Официальный сайт федеральных арбитражных судов РФ — <http://ras.arbitr.ru/>. Дата доступа — 09 ноября 2014 года.

⁵ См.: Решение арбитражного суда Республики Татарстан от 5 ноября 2014 г. по делу № 65–18124/2014: [электронный документ] // Официальный сайт федеральных арбитражных судов РФ — <http://ras.arbitr.ru/>. Дата доступа — 09 ноября 2014 года.

⁶ См.: Решение арбитражного суда Московской области от 12 апреля 2012 г. по делу №А41-8741/12: [электронный документ] // Официальный сайт федеральных арбитражных судов РФ — <http://ras.arbitr.ru/>. Дата доступа — 09 ноября 2014 года.

⁷ См.: Постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // ВВАС РФ. 2009. № 6; БВС РФ. 2009. № 6.

⁸ См.: Решение арбитражного суда Ивановской области от 09 апреля 2012 г. по делу № А17-395/2012: [электронный документ] // Официальный сайт федеральных арбитражных судов РФ — <http://ras.arbitr.ru/>. Дата доступа — 09 ноября 2014 года.

⁹ См.: Решение арбитражного суда Нижегородской области от 11 апреля 2012 г. по делу № А43-8428/2012: [электронный документ] // Официальный сайт федеральных арбитражных судов РФ — <http://ras.arbitr.ru/>. Дата доступа — 09 ноября 2014 года.

¹⁰ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 09 сентября 2009 г. по делу № А23-4395/08Г-15-233: [электронный документ] // Официальный сайт федеральных арбитражных судов РФ — <http://ras.arbitr.ru/>. Дата доступа — 09 ноября 2014 года.

М. А. Акимова

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»,
судья Двенадцатого арбитражного апелляционного суда

И. П. Кожокарь

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и международного частного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ИНЫХ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ЗАЩИТУ КОНКУРЕНЦИИ

Законодательство любого государства — это всегда структурно организованный массив взаимосвязанных нормативных решений, имеющих соответствующие иерархические уровни, части, объединенные общими целями и задачами. Принцип иерархии, являясь одним из принципов системного

анализа, есть тип структурных отношений в сложных системах, характеризующихся упорядоченностью, организованностью взаимодействия между отдельными уровнями по вертикали. Иерархические отношения имеют место во многих системах, для которых характерна как структурная, так и функциональная дифференциация, т.е. способность к реализации определенного круга функций. При этом помимо высокого уровня качества законодательства огромную роль играет правоприменительная практика как органов исполнительной власти так судов. Не является исключением и регулирование защиты конкуренции. Последняя выступает важнейшим инструментом развития государственного рынка товаров, работ, услуг, повышая эффективность государственных закупок и способствуя формированию обоюдовыгодных, умеренных цен.

Законодательство о защите конкуренции запрещает действия, которые могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции при проведении торгов. Обеспечение прозрачных и недискриминационных условий участия в торгах является одной из первоочередных задач антимонопольного регулирования.

Для обеспечения её реализации Федеральная антимонопольная служба (далее — ФАС России) определяет порядок организации и проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав в отношении государственного или муниципального имущества в целях обеспечения единства экономического пространства на территории Российской Федерации, расширения возможностей для получения физическими и юридическими лицами прав в отношении государственного или муниципального имущества, развития добросовестной конкуренции, совершенствования деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, обеспечения гласности и прозрачности при передаче прав

в отношении государственного или муниципального имущества, предотвращения коррупции и других злоупотреблений (Приказ ФАС России от 10.02.2010 № 67 «О порядке проведения конкурсов или аукционов на право заключения договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, и перечне видов имущества, в отношении которого заключение указанных договоров может осуществляться путем проведения торгов в форме конкурса»).

Полагаем необходимым остановиться на некоторых проблемных аспектах реализации антимонопольного законодательства.

В соответствии с пунктом 1 Положения о Федеральной антимонопольной службе, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 года № 331, ФАС России является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по принятию нормативных правовых актов и контролю за соблюдением антимонопольного законодательства, законодательства в сфере деятельности субъектов естественных монополий (в части установленных законодательством полномочий антимонопольного органа), рекламы, контролю за осуществлением иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, а также по контролю в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и согласованию применения закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) (за исключением полномочий на осуществление функций по контролю (надзору) в сфере государственного оборонного заказа и в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения федеральных нужд, которые не относятся к государственному оборонному заказу

и сведения о которых составляют государственную тайну, а также согласованию применения закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в сфере государственного оборонного заказа).

ФАС России рассматривает жалобы по статье 18.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон о защите конкуренции) на нарушения порядка организации и проведения торгов, заключения договора, в ходе чего осуществляет проверку указанных порядков на их соответствие нормам, регламентирующим проведение таких торгов.

Однако не все проверяемые процедуры достаточно регламентированы.

Руководитель Управления Федеральной антимонопольной службы по Московской области Башлаков-Николаев Игорь Васильевич справедливо отметил, что «даже в случае регламентации процедур в статье 18.1 Закона о защите конкуренции нормативно не установлены критерии и показатели нарушений порядка проведения торгов и заключения договоров по их итогам, которые могут являться основанием аннулирования торгов. Не поименованы в статье 18.1 Закона о защите конкуренции и действия, которые могут быть предметом предписания, выдаваемого по итогам рассмотрения жалобы» (Статья: Об обжаловании в антимонопольные органы порядка проведения торгов и заключения договоров по их итогам в соответствии со статьей 18.1 Закона о защите конкуренции: процессуальные аспекты (Башлаков-Николаев И. В.) («Законы России: опыт, анализ, практика», 2014, №5).

В результате мы сегодня имеем различные подходы к оценке отдельных процедурных моментов и неоднородную судебную практику по этим вопросам.

Преодоление этой проблемы путём выработки единообразного понимания возможно как раз в том формате, в котором проходит наша встреча.

И первый вопрос, который мы предлагаем обсудить, это *правомерность объявления перерывов в ходе проведения аукциона.*

Подобная практика переноса аукциона на другое время, нежели то, которое указано в аукционной документации довольно распространена.

Вместе с тем в ряде случаев объявление перерыва признаётся нарушением порядка проведения аукциона. Но даже среди придерживающихся этой точки зрения усматриваются два подхода к оценке данного нарушения. В одном случае вывод ставится в зависимость от нарушения прав кого-то из участников аукциона (неизвещение, невозможность обеспечить явку после перерыва и т.д.), а во-втором сам факт прерывания аукциона объявляется противоречащим основополагающим принципам его проведения.

Анализ судебной практики и нормативных актов органов показал, что единого понимания в данном вопросе не среди судов, не среди органов нет. При этом мы принимали во внимания позиции по интересующему нас вопросу в отношении возможности объявления перерыва в разных видах торгов, поскольку общие принципы и правила их проведения едины.

Так, например, согласно пункту 12.8. распоряжения Департамента города Москвы по конкурентной политике от 25 июня 2014 года № 70-10-4/14 «Об утверждении примерных форм документации по проведению земельно-имущественных торгов в городе Москве», в ходе проведения аукциона Комиссия имеет право объявлять перерыв, принимать решение о приостановлении торгов, переносе времени и/или даты подведения итогов торгов.

Подобный подход к толкованию полномочий комиссии нам представляется весьма спорным с точки зрения продекларированных принципов, по крайней мере, мы не видим под ним правовой основы.

Правительство Санкт-Петербурга в распоряжении Комитета по управлению городским имуществом от 17.11.2009 № 150-р скромнее трактует свои возможности. Однако в

пункте 14.7 указанного акта утверждает, что во время аукциона аукционная комиссия вправе принять решение об установлении десятиминутных перерывов через каждые полтора часа. Данный подход нам импонирует больше предыдущего, поскольку необходимость технических перерывов вполне объяснима и их незначительная продолжительность вряд ли может повлиять на реализацию принципов проведения аукциона, права участников и конкуренцию, если не будет носить характер злоупотреблений.

Мы не ставили целью провести в интересующем нас разрезе сплошной анализ локальных актов. А использовали эти два примера как иллюстрации того, что такое понимание рассматриваемого вопроса существует вполне легально как само собой разумеющееся.

Но на более высоком уровне федеральных нормативных актов мы не нашли утверждения о возможности прерывания хода аукциона. Сторонники допустимости подобных действий аргументируют свою позицию отсутствием прямого запрета, что считается нам спорным доказательством, учитывая специфику данной сферы правоотношений.

Порядок проведения торгов кроме общих норм гражданского права регламентируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 11.11.2002 № 808 «Об организации и проведении торгов по продаже находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков или права на заключение договоров аренды таких земельных участков». Правила, утвержденные данным постановлением содержат довольно подробную регламентацию порядка проведения торгов.

В соответствии с пунктом 14 Постановления в день определения участников торгов, установленный в извещении о проведении торгов, организатор торгов рассматривает заявки и документы претендентов, устанавливает факт поступления от претендентов задатков на основании выписки (выписок) с соответствующего счета (счетов). По результатам рассмотрения документов организатор торгов принимает

решение о признании претендентов участниками торгов или об отказе в допуске претендентов к участию в торгах, которое оформляется протоколом. В протоколе приводится перечень принятых заявок с указанием имен (наименований) претендентов, перечень отозванных заявок, имена (наименования) претендентов, признанных участниками торгов, а также имена (наименования) претендентов, которым было отказано в допуске к участию в торгах, с указанием оснований отказа.

Пунктом 22 указанных Правил предусмотрено, что торги проводятся в указанном в извещении о проведении торгов месте, в соответствующие день и час.

Согласно пункту 25, результаты торгов оформляются протоколом, который подписывается организатором торгов, аукционистом и победителем торгов в день проведения торгов.

Из анализа приведённых норм, даже в отсутствие категоричного запрета, напрашивается вывод об отсутствии возможности переноса запланированного мероприятия на иную дату.

Примерно такое же впечатление производят положения Постановления Правительства РФ от 27.08.2012 № 860 «Об организации и проведении продажи государственного или муниципального имущества в электронной форме», регулирующего порядок приватизации государственного и муниципального имущества.

Его пункт 35 гласит, что процедура аукциона проводится в день и время, указанные в информационном сообщении о проведении аукциона. А пункт 82 предусматривает, что решение продавца об определении победителя конкурса оформляется протоколом об итогах конкурса. Указанный протокол подписывается продавцом в день подведения итогов конкурса.

В качестве интересного примера альтернативного подхода хотим привести Приказ МПР РФ от 14.04.2005 № 97 «Об утверждении Порядка организации и проведения лесных

аукционов». Правда данный акт не действует, он утратил силу, но одно его положение интересно в контексте рассматриваемой проблемы. Это пункт 21, согласно которому лесной аукцион, по возможности, должен проводиться без перерыва до его окончания. Если лесной аукцион проводится с перерывом, то председатель аукционной комиссии объявляет об этом всем присутствующим с назначением времени возобновления лесного аукциона, о чем заносится запись в отчет о результатах лесного аукциона. При проведении совместного лесного аукциона запечатанные в конверт заявления на время перерыва торгов вкладываются в общий конверт и опечатываются печатью организатора аукциона.

Отсюда можно сделать вывод, что непрерывному проведению аукциона отдаётся безусловный приоритет. Но в случае объявления перерыва это непременно должным образом оформляется и фиксируется, принимаются меры к обеспечению дальнейшего участия конкурсантов, а также к соблюдению принципа конфиденциальности.

И среди позиций судов по данному вопросу не существует единодушия, что мы можем утверждать на основании изучения практики последних пяти лет по рассмотрению споров, касающихся порядка проведения торгов.

В Постановлении ФАС Поволжского округа от 21.05.2009 по делу № А72-8113/2007 сделан приемлемый на наш взгляд вывод, что при отсутствии возможности провести торги в назначенную дату, они должны быть признаны несостоявшимися.

Суд установил из протокола заседания конкурсной комиссии, что в срок, указанный в извещении, вскрытие конвертов не производилось, срок принятия заявок продлен до новой даты, заседание комиссии перенесено на другую дату, и сделал вывод, что в данном случае торги должны быть признаны несостоявшимися, задаток возвращен участнику несостоявшихся торгов. При этом организатору предоставлено право объявить о повторном проведении торгов.

Из установленных судами по указанному делу обстоятельств видно, что конкурсная комиссия произвела вскрытие

поступивших конкурсных заявок, рассмотрев их, и опять перенесла подведение итогов на другое число.

Аналогичной позиции придерживается и ФАС Уральского округа (Постановление от 27.12.2012 № Ф09-13053/12 по делу № А50-5011/2012).

В противовес ей ФАС Северо-Кавказского округа в Постановлении от 11.06.2009 по делу № А32-10684/2008 указал, что «в соответствии со статьей 38.1 Земельного кодекса Российской Федерации аукцион может быть признан организатором несостоявшимся, а также организатор может отказаться от проведения аукциона. Указанная норма не предусматривает случая, позволяющего перенести организатору дату аукциона в связи с отсутствием кворума в комиссии по проведению торгов. Однако суд правомерно указал, что проведение и подведение итогов аукциона комиссией, не располагающей достаточным количеством голосов, является незаконным. Поэтому в такой ситуации возможно назначение организатором торгов новой даты аукциона. Следовательно, перенос даты аукциона по уважительным причинам нельзя признать незаконным». По данному делу ВАС отказал в передаче его в Президиум.

И очень примечателен в контексте рассматриваемого вопроса следующий совсем «свежий» пример — Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 сентября 2014 г. по делу № А55-5473/2014 со следующей мотивировкой: «В силу пункта 2 статьи 448 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) извещение о проведении торгов должно содержать во всяком случае сведения о времени и месте торгов. Часть 3 статьи 16 Водного кодекса Российской Федерации установлено, что порядок проведения аукциона на право заключить договор водопользования утверждается Правительством Российской Федерации. В соответствии с подпунктом «г» пункта 15 Правил проведения аукциона в извещении должны быть указаны место, дата и время проведения аукциона.

Абзацем 1 пункта 9.1 документации о проведении аукциона предусмотрено, что аукцион проводится в день, время и в месте, указанные в извещении о проведении аукциона.

Из приведенных правовых норм следует, что место торгов должно быть определено точно и не вызывать вопросов у участников торгов. В рассматриваемом случае в соответствии с извещением аукцион проводился 05.06.2012 в 15:00 по адресу: 443010, г. Самара, ул. Куйбышева, д. 145, каб. 604. Как следует из протокола от 04.06.2012 № 205 рассмотрения заявок на участие в аукционе, на участие в торгах было подано 9 заявок; до участия в аукционе было допущено 7 участников.

Согласно протоколу открытого аукциона от 05.02.2014 № 236 в ходе проведения аукциона аукционной комиссией объявлялись перерывы с 05.06.2012 до 22.06.2012; с 22.06.2012 до 16.07.2012; с 16.07.2012 до 16.08.2012; с 16.08.2012 до 19.09.2012; с 19.09.2012 до 22.10.2012; с 22.10.2012 до 26.11.2012; с 26.11.2012 до 26.12.2012; с 26.12.2012 до 14.02.2013; с 14.02.2013 до 21.03.2013; с 21.03.2013 до 29.04.2013; с 29.04.2013 до 21.08.2013; с 21.08.2013 до 05.02.2014.

В уведомлении о перерыве в заседании комиссии по проведению аукциона от 29.04.2013, врученном участникам аукциона, указано, что следующее заседание аукционной комиссии состоится в 10 час. 00 мин. 21.08.2013 по адресу: г. Самара, ул. Куйбышева, д. 145, каб. 604.

Однако 21.08.2013 заседание комиссии по проведению аукциона проводилось по адресу: г. Самара, ул. Красноармейская, БЦ «ВОЛГА-ПЛАЗА», д. 1, что лицами, участвующими в деле, не оспаривается.

В уведомлении о перерыве в заседании комиссии по проведению аукциона от 21.08.2013 № КЕ-12/2283 адрес проведения аукциона (г. Самара, ул. Красноармейская, БЦ «ВОЛГА-ПЛАЗА», д. 1) был указан без конкретного места проведения аукциона (этажа, номеров кабинетов (офисов)).

Данное обстоятельство лица, участвующие в деле, также не оспаривают».

Мы не подвергаем анализу и оценке позицию суда по данному делу (хотя бы потому, что полностью с ней согласны), а хотим обратить внимание на количество и продолжительность перерывов в ходе проведения аукциона. Аукцион продолжается более полутора лет.

Такой подход мы считаем неприемлемым, даже если полномочия комиссии будут специально оговорены (хотя в реальности такая регламентация у данного конкретного органа отсутствует).

Для фигуранта приведённого примера подобная практика проведения аукционов является обычной. Но он осуществляет свою деятельность на территории нескольких регионов и, соответственно, попадает в юрисдикцию разных судов. И в другом апелляционном суде она получила оценку, при том резко отрицательную.

Особо хотим обратить внимание на правовую позицию, разработанную по данному поводу Двенадцатым апелляционным судом, которая изложена в постановлении от 17.04.2014 по делу № А12-29790/2013 (кассационная инстанция поддержала). Она нам близка, хотя содержит довольно категоричный подход. При этом заслуживает внимание обширная аргументация на основе глубокого для судебного акта анализа самого явления-аукциона, его целей и принципов проведения. Считаем, что её можно рассматривать как приемлемый вариант обоснования невозможности прерывания аукциона на значительные временные промежутки. То есть перерывы не должны приводить к переносу аукциона на другую дату.

Или как минимум можно остановиться на том, что возможность объявления перерыва, влекущего перенос аукциона на другую дату, должна быть нормативно закреплена, и порядок его объявления регламентирован. В частности необходимо разработать закрытый перечень обстоятельств,

которые могут служить основанием для прерывания торгов и определить продолжительность перерывов.

Мы бы сочли приемлемым решением проблемы оба указанных варианта при достижении единообразия практика.

Второй вопрос, который мы предлагаем на обсуждение, возник в ходе рассмотрения дела № А12-30977/2013. *Он касается порядка проведения аукциона.* Один из участников аукциона сразу в его начале предложил цену, многократно превышающую начальную цену аукциона. При этом шаг аукциона был установлен в размере 5% от начальной цены. Суд первой инстанции высказал мнение, что действия по предложению цены, выше установленной шагом аукциона, не противоречат установленному порядку проведения аукциона. Апелляционная коллегия не согласилась с данной позицией.

Нормами Федерального закона от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Федеральный закон №135-ФЗ) установлены организационные и правовые основы защиты конкуренции.

В соответствии с частью 1 статьи 17 Федерального закона № 135-ФЗ при проведении торгов запрещаются действия, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции.

Согласно статье 16 Водного кодекса РФ договор водопользования в части использования акватории водного объекта заключается по результатам аукциона.

Порядок организации и проведения аукциона по приобретению права на заключение договора водопользования определён в Правилах проведения аукциона по приобретению права на заключение договора водопользования, утверждённых Постановлением Правительства Российской Федерации от 14.04.2007 № 230 «О договоре водопользования, право на заключение которого приобретается на аукционе, и о проведении аукциона» (далее — Правила № 230).

В соответствии с пунктом 7 Правил № 230 организатор аукциона принимает решение о проведении аукциона, в

котором указываются предмет аукциона, дата, время и место проведения аукциона, информация о том, что аукцион является открытым, требования к участнику аукциона, начальная цена предмета аукциона, размер задатка и размер «шага аукциона».

Согласно пункту 15 указанных Правил №230 в извещении о проведении аукциона также указывается помимо иных данных начальная цена предмета аукциона и «шаг аукциона».

В соответствии с пунктом 43 Правил №230 аукцион проводится путём повышения начальной цены предмета аукциона на «шаг аукциона». Согласно пункту 44 Правил №230 «шаг аукциона» устанавливается в размере 5 процентов начальной цены предмета аукциона.

Считаем, что соблюдение описанного порядка проведения аукциона предполагает повышение цены именно на установленный «шаг аукциона», и этот порядок должен соблюдаться организаторами.

При этом действия самого участника аукциона по предложению цены, кратной «шагу аукциона», не могут расцениваться как нарушение порядка и служить основанием для отстранения его от участия в аукционе.

Однако, очевидно, что подобное ограничение негативно сказывается на эффективности торгов и как минимум ведёт к их затягиванию. Поэтому мы согласны, что использование цены кратной «шагу аукциона» рационально и не идёт в разрез с принципами проведения торгов, однако для этого требуется предусмотреть такую возможность в нормативных актах, регулирующих порядок проведения торгов, либо хотя бы в аукционной документации.

Пример тому Постановление Правительства Российской Федерации от 12.08.2002 № 585 «Об утверждении Положения об организации продажи государственного или муниципального имущества на аукционе и Положения об организации продажи находящихся в государственной или муниципальной собственности акций открытых акционерных обществ на специализированном аукционе».

Согласно подпунктам «д», «е», «ж», «з» пункта 15 названного Положения после открытия аукциона аукционистом оглашаются наименование имущества, основные его характеристики, начальная цена продажи и «шаг аукциона», который устанавливается продавцом в фиксированной сумме, составляющей не более 5 процентов начальной цены продажи, и не изменяется в течение всего аукциона; после оглашения аукционистом начальной цены продажи участникам аукциона предлагается заявить эту цену путем поднятия карточек; после заявления участниками аукциона начальной цены аукционист предлагает участникам аукциона заявлять свои предложения по цене продажи, превышающей начальную цену. Каждая последующая цена, превышающая предыдущую цену на «шаг аукциона», заявляется участниками аукциона путем поднятия карточек. В случае заявления цены, *кратной «шагу аукциона»*, эта цена заявляется участниками аукциона путем поднятия карточек и ее оглашения; аукционист называет номер карточки участника аукциона, который первым заявил начальную или последующую цену, указывает на этого участника и объявляет заявленную цену как цену продажи. При отсутствии предложений со стороны иных участников аукциона аукционист повторяет эту цену 3 раза. Если до третьего повторения заявленной цены ни один из участников аукциона не поднял карточку и не заявил последующую цену, аукцион завершается.

Таким образом, приведённое Положение предусматривает, что участники аукциона заявляют собственные цены, превышая их в соответствии с шагом аукциона либо путем оглашения цены в размере, кратном шагу аукциона.

В рамках рассмотрения этого вопроса хотим обратить внимание на постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.08.2014 № 15АП-11799/2014 по делу № А32-1387/2014, из которого мы видим, в ряде случаев возможность предлагать цену кратную шагу предусмотрена самой аукционной документацией. И суды оценивают это как соответствующее правилам проведения аукциона.

Вместе с тем по указанному делу аукционной документацией было предусмотрено право участника аукциона заявить свою цену покупки предмета аукциона, кратную шагу аукциона.

Данный пункт аукционной документации апелляционный суд оценил как непротиворечащий пункту 43 Правил, поскольку предложения, озвучиваемые участниками, по смыслу указанных положений аукционной документации в любом случае привязаны к размеру шага аукциона, установленному в соответствии с Правилами. Мы готовы с такой позицией согласиться.

Так же хотелось бы прийти к определённом мнению по поводу того, *влечёт ли признание недействительными ненормативных актов антимонопольного органа незаконность действий иных лиц во исполнение этих актов антимонопольного органа.*

В рамках рассмотрения дела № А12-13841/2013 апелляционная коллегия пришла к выводам о незаконности ненормативных актов антимонопольного органа: решения и предписания.

При этом в рамках данного дела рассматривались также требования к аукционной комиссии о признании незаконными её действий, совершённых во исполнение обязательных для неё решения и предписания антимонопольного органа.

Учитывая, что это самостоятельное требование к иному лицу, апелляционный суд рассмотрел его в соответствии с правилами главы 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ и разъяснениями, содержащимися в пункте 6 Постановления от 01.07.1996 № 6/8 совместного Президиума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, и, не установив нарушений закона, отказал в удовлетворении требований к указанному лицу.

Считаем, что требования по оспариванию действий конкурсной комиссии представляют собой самостоятельный предмет спора относительно требований к антимонопольному органу: иной субъект, иная самостоятельная процедура, иные правоотношения, иное правовое регулирование.

Взаимообусловленности, а главное правовых оснований, которые позволяли бы из пороков действий одного органа делать вывод о незаконности действий другого, не имеется. Действия каждого органа должны рассматриваться по правилам главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации с точки зрения наличия совокупности условий: нарушений прав наряду с нарушениями закона.

Действия конкурсной комиссии во исполнение обязательного для неё акта антимонопольного органа незаконными признаны быть не могут, поскольку суды не установили с её стороны нарушений закона. Добросовестное исполнение лицом обязательного для него властного предписания не может быть неправомерным поведением.

Противоположная точка зрения строилась на обосновании взаимосвязи требований к антимонопольному органу и аукционной комиссии и утверждении, что признание незаконными действий комиссии неизбежное следствие дефектов действий антимонопольного органа.

При этом заявитель требований настаивал на том, что его право «было нарушено в несколько эпизодов решениями антимонопольного органа, действиями и бездействием аукционной комиссии на различных, но взаимосвязанных стадиях размещения одного и того же государственного заказа». Его позиция нашла понимание в вышестоящем суде.

Однако мы с подобным подходом не согласны. Последовательные действия разных органов в данной ситуации нельзя рассматривать как эпизоды. Эпизоды — это тождественные деяния одного и того же субъекта, различающиеся только по времени их совершения, объединённые общей целью и умыслом.

Исходя из данного понятия, заявитель со своей субъективной точки зрения может рассматривать преодоление препятствий в виде действий и актов разных органов на пути к своей цели как эпизоды, но своей деятельности. А применительно к задействованным в этом органам это самостоятельные процедуры, которые не являются стадиями одного процесса. То, что споры с разными органами для заявителя

объединены общей целью, не является основанием рассматривать их как один спор, а деятельность этих органов — как единый стадийный процесс.

Поэтому порочность действий одного органа сама по себе не может служить основанием для признания незаконными действий другого даже при наличии определённой взаимосвязи. Это не укладывается в подход, сформированный для применения положений главы 24 АПК РФ.

Хотелось бы обратить внимание тех, кто считает, что, добившись признания незаконными актов антимонопольного органа, заявитель имел право на полное удовлетворение требований и реальный результат, что он сам выбирает способ защиты и несёт риск последствий своего выбора. В данной ситуации заявитель выбрал допустимый законом, но не эффективный способ.

В заключении хотим отметить, что для устранения существующих дефектов правоприменительной практики и более эффективной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и государства необходима выработка единой позиции по спорным вопросам.

О. К. Лещенко

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и международного частного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ ПОЛИТИКИ И МОРАЛИ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ КОНКУРЕНТНОГО ОБЩЕСТВА

Процесс соотношения политики и морали в нашем, сегодня уже конкурентном, обществе переживает определенное изменение и переосмысление.

Политические отношения, как и все другие, должны строиться на основе принципов нравственности. Политик или человек, занимающий государственный пост, обязан быть образцом нравственности, заботиться не только о личном благе, но и о благосостоянии всех граждан данного государства. Ведь моральное, политическое и правовое сознание тесно взаимосвязаны.

К сожалению, в реальной жизни мы наблюдаем иное. К примеру, моральные оценки так называемых олигархов в массовом сознании как правило отрицательны. «Олигархи — они депутаты, издатели, банкиры. Они участники правительственных приемов, респектабельные люди. Они даже делают какие-то благотворительные акции. А спросите у россиян — девять из десяти скажут, что это жулики и всех их надо посадить. И, конечно, это — обстоятельство, с которым нельзя не считаться»¹.

В литературе выделяются следующие варианты взаимодействия политики и морали: так называемая «морализация власти», согласно которой политика должна формироваться на основе и в соответствии с моралью; разделение власти и морали; признание политики в определенном смысле «грязным делом». Все это условно называется «морализм» и «реализм»².

Вопрос о том, как должен поступать человек в той или иной ситуации, в жизни вообще, актуален и для политики, и для морали. Понятие должного поведения в сфере морали означает соответствие политической деятельности определенным нравственным критериям. Понятие долга в политике — достижение определенной позитивной цели. Таким образом, «феномены политики и морали весьма существенно различны. Суть морали — в незыблемости раз навсегда установленных идеалов, норм и ценностей. ... Между тем суть политики иная: здесь константой является понятие интереса, а не идеала»³. И действительно, смысл нравственного поведения зачастую сводится к подавлению эгоистических

начал человека и проявлению альтруистических. Но всегда ли это применимо к политике?

Вопрос о нравственности средств в политике весьма противоречив. Попробуем рассуждать так: политика должна соответствовать государственным интересам; охрана государственных интересов зачастую требует применения определенного, а иногда и выраженного насилия; насилие с нравственной точки зрения аморально. Можно сделать вывод, что широкое применение критериев морали в политике не всегда оправдано. Иное дело внутренние переживания, нравственное состояние людей, вершащих политику. Бесспорно, они должны придерживаться в своем сознании и поведении морального аспекта.

Сказанное о политике вообще тем более касается правовой политики, под которой понимается «комплекс мер, идей, задач, программ, установок, реализуемых в сфере действия права и посредством права, а также сознательно-волевая деятельность соответствующих субъектов, включая граждан, направленная на достижение практических результатов. Имеется в виду область отношений, связей и интересов, охватываемых категорией «правовое пространство» и объективно нуждающихся в регулятивном опосредовании со стороны публичной власти. Правовая политика — особая форма выражения государственной политики»⁴. Ясно, что данная сфера отношений тоже подвержена моральным оценкам и, может быть, даже в первую очередь, поскольку речь идет о праве и его преломлении в политике. Здесь более всего должны выдерживаться нравственные критерии.

Таким образом, моральные ценности в политике абсолютно необходимы. На деле же политика — это нередко ложь, изворотливость, коррупция, лицемерие, а иногда — насилие.

Так возможно ли преуспевающему политику, добросовестно исполняющему свой долг, быть нравственным человеком и следовать требованиям морали, не поддаваясь «искушению властью», злоупотреблениям ею? На наш взгляд, в условиях демократического правового государства ответ

должен быть утвердительным. Так ли это в современной России? Каждый может сам для себя ответить на этот вопрос.

Однако при достижении любых политических целей определенный уровень нравственности с необходимостью должен быть. И ниже этого уровня не имеет права опускаться никто, будь то политик или просто человек. «Мораль ограничивает политику, свободу бесконтрольного политического действия, поэтому политика и стремится освободиться от морали»⁵.

Р.В. Енгибарян называет некоторые причины, которые, по его мнению, обуславливают невысокий уровень морали в сфере политики: это наличие личной власти — царя, вождя, генсека, президента; подстраивание общественно-политической жизни, государственно-правовых институтов, включая и Конституцию, всего государственного механизма под его волю и индивидуальность⁶.

Исследователи также подчеркивают, что в самом менталитете российского народа издавна заложена тяга к сильному управляющему началу. В кризисные же периоды политические процессы обретали особо персонифицированный характер, а возможности выхода из кризиса напрямую увязывались с тем или иным историческим персонажем, способным принимать волевые решения. И сегодня, согласно опросам общественного мнения, россиянам необходим скорее сильный лидер, чем сильная коллегиальная власть⁷.

Необходимо учитывать, что люди, вершащие политику, как правило, не более моральны, чем остальные граждане. А так как в «послеперестроечные» годы в силу различных причин произошло снижение уровня морали в российском обществе, эта проблема так или иначе коснулась и политической сферы.

Переход к рыночной экономике ознаменовал возврат к капиталистическим отношениям. Капитализм же, как экономический строй характеризуется тремя основными признаками: частная собственность; максимизация дохода и пользы

как цель хозяйствования; координация хозяйственной деятельности через рынки и систему цен⁸.

Люди в таких обществах, располагая частной собственностью, преследуют цель получить возможно больший доход, прибыль, а это неизменно связано с проявлением многих моральных качеств, не всегда положительных (жажда наживы, погоня за прибылью любой ценой, стремление к обогащению за счет других и т.д.).

Но основывать общество только на указанных признаках невозможно и безнравственно. Тем более, что рыночный экономический строй — не единственная составляющая полноценного развитого объединения людей. Поддержание определенного уровня жизни только рыночным путем представляется не самой лучшей альтернативой. Ведь экономически эффективная система — это еще не самое нравственное общество.

«Тот, кто считает возможным пренебречь этикой и проблемой ценностей, не учитывает, что капитализм как общество свободных индивидов предъявляет отдельному человеку огромные моральные требования и требует моральных установок, которые экономика сама по себе породить не может»⁹.

Всякая общность людей, в том числе и хозяйственная система, не свободна от морали, она функционирует не только на основе экономических, но также и на основании других общественных законов, которые объединяют в себе желания, ожидания, установки, нормы, цели, а также нравственные представления индивидов. Должна соблюдаться, как теперь говорят, «бизнес-мораль».

В связи с этим встает вопрос: каким образом должен вести себя человек в условиях рыночных отношений как системы свободного труда и предпринимательства, чтобы достичь своей цели, учитывая, что и другие преследуют такие же цели, не нарушая при этом моральных норм и принципов?

В идеале ответ можно выразить одним из положений «категорического императива» Канта: «...Поступай только

согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала общим законом»¹⁰. Перефразируя, можно сказать: поступай с другими так, как тебе хотелось бы, чтобы они поступали с тобой. Так гласит и одна из христианских заповедей.

На практике же понятия преуспевающего бизнесмена и человека, следующего моральным установкам, не всегда совместимы. И это вполне объяснимо (но не оправдано) с точки зрения сегодняшнего состояния российского общества. Да и с точки зрения условий капитализма любого общества. В условиях жесткой конкуренции моральные поступки со стороны предпринимателя могут помешать достижению им определенных результатов, т.к. высоконравственный предприниматель или просто даже честный человек может быть вытеснен с рынка своими более «практичными» коллегами.

По распространенному мнению, Россия сегодня находится на стадии развивающегося капитализма. Исходя из реального состояния нравственности в нашем обществе, напрашивается вывод о взаимозависимости уровня развития производительных сил и производственных отношений. Низкий уровень экономики обуславливает невысокий уровень морального развития и наоборот, недостаток нравственного воспитания порождает «дикие нравы» во всех сферах жизни, в том числе и в политике. Между тем высокоморальное общество — условие процветающей экономики.

К сожалению, о процветающей экономике в современной России говорить пока не приходится.

Особенно тяжело приходится сегодня старикам-пенсионерам, которые порой лишены элементарной социальной защищенности. Согласно мировой практике, существуют различные традиции пребывания в так называемом «финальном» возрасте. В некоторых странах, много проработав в годы активного трудового возраста, старики, выйдя на пенсию и получив достаточное обеспечение, начинают жить в свое удовольствие: много путешествуют, занимаются искусством и т.д. Иногда пожилые люди продолжают работать, но

не из-за необходимости содержать себя и близких, а из-за желания остаться на профессиональном поприще.

Для России же характерно, что люди пенсионного возраста, проработавшие большую часть своей жизни в тяжелейших условиях, заслужили поддержку государства на уровне, едва обеспечивающем их физическое существование. Люди, совершившие огромный вклад в создание национального богатства страны, в современной России подвергнуты «уравниловке» и получают такую же маленькую пенсию, как и никогда не работавшие тунеядцы.

Сложившаяся экономическая ситуация в России оказывает не всегда положительное влияние на общественное сознание, несмотря на то, что представители властных структур в России в последние годы периодически занимаются разработкой реанимирующих экономических программ.

Поэтому необходима такая государственная (а в ее рамках — и социальная) политика, которая опиралась бы на традиции русской культуры — уважение к старости, пожилым людям, нравственный потенциал которых признавался бы как основа жизни, изначальная точка отсчета в шкале нравственных ценностей.

В качестве ведущего принципа социального развития должно стать понятие социального благополучия, которое интегрирует понятия спокойной жизни, счастливой старости, материальной обеспеченности, духовной удовлетворенности и здоровья.

Рыночные отношения не могут сделать излишними моральные нормы и принципы как оценку действий людей. Необходим поворот к нравственным ценностям, которые особенно важны сегодня, в условиях нигилистического отношения к прежним ценностям и идеалам. Нигилизм исходит в основном из жизненного опыта пожилых людей и людей среднего возраста, которые стали свидетелями многих неудавшихся реформ, и порождает пессимизм и пассивность в действиях, направленных на улучшение качественных показателей жизни людей.

Сегодня, как никогда, на первый план выходят такие острые с моральной точки зрения проблемы, как злоупотребление правом; недобросовестная конкуренция; забвение гражданского долга; правовой и нравственный нигилизм; некоторая «недостаточность человеческих начал» в сфере экономики, политики, культуры; изменения, происходящие в сознании людей в связи с преобразованиями условий жизни; формирование социально активной личности, ее всестороннее воспитание, выработка у индивида позиций и взглядов, соответствующих условиям современного мира.

Мораль и право, к сожалению, не всегда находятся рядом в человеческом сознании, понижается уровень нравственных оценок индивида, деформируются некоторые духовные ценности. Отсюда — важность нравственного воспитания личности, которое пронизывает все другие стороны воспитания и неотделимо от них.

Как одно из направлений упорядочения политических отношений в этой связи представляется целесообразным предложить создание определенных общественных механизмов контроля за деятельностью политиков. Ведь если вдуматься, политические отношения у нас неконтролируемы. Способом общественного контроля могло бы стать создание организации, осуществляющей курирование политической деятельности по принципу офицерского суда чести. Нелишним было бы введение лицензирования организаций и специалистов, работающих на рынке избирательных услуг, причем лицензирование не государственными органами, а профессиональными союзами и сообществами так называемых «политических технологов», имиджмейкеров, политических консультантов, то есть всех тех, кто имеет непосредственное отношение к избирательным технологиям.

Необходимым условием совершенствования конкурентного общества, достижения качественно иного состояния общественных отношений, в которых мораль являлась бы неотъемлемым элементом, является духовно — нравственное развитие. Не самую последнюю роль здесь играет Церковь.

Издавна основой нравственности являлась вера. Если нет веры, то неизбежны аморализм и безнравственность, нарушение стабильности общественной и государственно-правовой жизни людей.

Таким образом, можно сделать вывод, что уровень развития морали в обществе зависит от многих факторов: степени развитости экономики, воздействия на общественные отношения права, политики, религии¹¹ и т.д.

Но, несмотря на это, необходимо стремиться к повышению удельного веса морали во всех сферах общественной жизни, в том числе и в воспитании молодежи, студентов. Необходимо делать акцент на развитие общей культуры (а в ее рамках — и правовой), что может значительно повысить уровень правосознания у людей, на повышение уважения к закону, праву. Тогда, может быть, и станет возможным сказать с уверенностью, что наше государство стало правовым.

Президент РФ В. В. Путин в одном из интервью сказал: «В результате того, что власть парализовала себя внутренними противоречиями, мы получили, наверное, самое свободное общество — к сожалению, свободное даже от закона, порядка и морали. Многих это устраивало — потому что было выгодно. Теперь, когда «сладкая жизнь» кончилась и от разговоров о порядке мы перешли к наведению этого самого порядка, понеслись крики — мол, это угроза свободе, угроза демократии. Но есть ли для этого основания? Уверен, что нет. Напротив, еще недавно были серьезные основания опасаться за другое — за то, что «свобода без границ» в конце концов может раздавить и государство, и самое свободное и демократическое общество, о необходимости которого говорили все кому не лень»¹².

¹ Добро и зло от Троянской до Чеченской войны. Круглый стол // НГ-Сценарии. 2000. 12 июля.

² См.: Баллестрем К. Г. Власть и мораль (основная проблема политической этики) // Философские науки. 1991. №8. С.85.

³ Добро и зло от Троянской до Чеченской войны. Круглый стол // НГ-Сценарии. 2000. 12 июля.

⁴ Матузов Н. И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. Саратов-Москва. 2000. Пилотный. С.28. См. также: Малько А. В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь. Там же. С. 15.

⁵ Кравченко И. И. Политика и мораль // Вопросы философии. 1995. №3. С.6.

⁶ См.: *Енгибарян Р.В.* Возможна ли нравственная политика в сегодняшней России // Независимая газета. 1997. 13 марта.

⁷ См.: *Башкирова Е., Лайдинен Н.* Владимир Путин как реализовавшийся имидж // Советник. 1999. №12 (48). С.14.

⁸ См.: *Козловски П.* Этика капитализма. СПб.: Экономическая школа, 1996. — 158с. С.18.

⁹ См.: *Козловски П.* Этика капитализма. СПб.: Экономическая школа, 1996. — 158с. С.15.

¹⁰ *Соловьев Э.Ю. И.* Кант: взаимодополнительность морали и права. — М.: Наука, 1992. — 216с. С.105–106.

¹¹ О связи религии и морали см. подробнее: Попов В.И. Религия и мораль: взаимодействие в современных условиях // *Общественные науки и современность.* 1999. №3.

¹² Россия не должна быть и не будет полицейским государством // *Известия.* 2000. 14 июля.

А. В. Трофименко

Кандидат юридических наук, доцент ССЭИ ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»

О ПРЕСЕЧЕНИИ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАИМЕНОВАНИЙ ДОМЕНОВ

Существующая система адресации в глобальных компьютерных сетях основанная на регистрации наименований доменов не позволяет однозначно разрешить, прежде всего, проблему места наименований доменов в системе объектов исключительных прав. Законодатель и доктрина¹ исходят из необходимости непосредственного законодательного отнесения того или иного объекта к числу объектов интеллектуальной собственности. В то же время, система наименований доменов складывается в настоящее время в известной мере хаотично, не подчиняясь каким-либо жёстким закономерностям. Так, существует возможность регистрации наименований доменов второго уровня в зоне “.su”, прежде предполагавшей территориальную принадлежность ресурса к СССР, а в настоящее время не имеющей какого-либо смысла². Российское законодательство не содержит норм, относящих наименование домена к числу объектов интеллектуальной собственности, а рассуждения по аналогии³ в данном случае не должны иметь места. Соответственно,

не имеют достаточных оснований утверждения⁴ о том, что доменные имена якобы представляют собой традиционные объекты интеллектуальной собственности (фирменные наименования либо товарные знаки). Не могут быть признаны обоснованными в части признания исключительного права и претензии предпринимателей к лицам, зарегистрировавшим доменные имена, текстуально совпадающие с их фирменным наименованием либо с принадлежащим им товарным знаком.

Невозможно все отношения, связанные с наименованиями доменов, рассматривать в рамках какой-либо одной модели исключительного права, из числа существующих. В противном случае, возникают трудноустранимые противоречия при попытке определения соотношения наименований доменов с традиционными объектами интеллектуальной собственности (фирменными наименованиями, коммерческими обозначениями, товарными знаками и т.п.). Если, например, рассматривать наименование домена как форму использования фирменного наименования, возникают проблемы в случае, когда зарегистрирован аналогичный словесный товарный знак. Вряд ли возможно установить однозначное соотношение наименования домена и сходных коммерческих обозначений (в частности, наименований предприятий). Неясны и принципы определения того, кому должно принадлежать наименование домена второго уровня в зоне “.ru” при сложившейся системе государственной регистрации юридических лиц, когда в разных субъектах РФ может быть зарегистрировано несколько юридических лиц с одинаковыми наименованиями. Наконец, при таком подходе индивидуальные предприниматели оказываются в менее выгодном положении, поскольку даже в одном субъекте РФ могут быть зарегистрированы несколько предпринимателей — тезок. Сходные проблемы возникают и при попытке отнести доменные имена к числу товарных знаков.

Вряд ли можно согласиться и с “синтетическим” подходом, предполагающим⁵ возможность использования в доменных

именах объектов интеллектуальной собственности и средств индивидуализации. Всякое средство индивидуализации индивидуализирует определённого субъекта либо определённый объект. Наименования доменов индивидуализируют “сайт” — особую форму организации информационных объектов, информационный ресурс, возможно, не имеющий отношения к субъекту либо объекту, в отношении которого используется сходное средство индивидуализации.

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ полагает, что «доменные имена... трансформировались в средство, выполняющее функцию товарного знака», при этом, «...доменные имена, содержащие товарные знаки или торговые наименования, имеют коммерческую стоимость»⁶. Справедливость данного вывода вызывает сомнения, поскольку возможно существование текстуально совпадающих товарных знаков, коммерческих обозначений и наименований юридических лиц. Доменное имя способно выполнять функцию, декларируемую Президиумом ВАС, только если оно:

1. Тождественно зарегистрированному в качестве товарного знака словесному обозначению. При этом предполагается, что в качестве словесного товарного знака зарегистрировано обозначение на латинице, поскольку в противном случае налицо несовпадение товарного знака и доменного имени, исключающее возможность их смешения.

2. Используется в целях привлечения внимания к сайту, содержащему сведения о товарах (услугах), *аналогичных* обозначаемым указанным знаком.

Кроме того, термин «торговое наименование» имеет несколько значений согласно действующему законодательству. В одних нормативных актах говорится о «торговом наименовании *организации*», то есть, субъекта⁷, в других же — о «торговом наименовании *товара* (лекарства и т.п.)», то есть объекта⁸ прав.

Конструирование права *sui generis* на наименование домена, независимого от прав на иные объекты, также представляется нежелательным. С учётом неизбежности применения

в этом случае принципа приоритета подачи заявки на регистрацию наименования домена, появится угроза полного и безусловного отказа в охране интересов обладателя прав на сходные «традиционные» объекты (фирменное наименование, товарный знак и т.п.).

Основанием для принятия решения о принудительной передаче права использования наименования домена другому лицу (возможно, сопровождаемой возмещением убытков) должно являться наличие, по крайней мере, одного из следующих условий:

1. Наименование домена представляет собой результат творческой деятельности (является охраноспособным по авторскому праву). Так, наименование «Kodak», представляющее собой искусственно созданное слово, обладает признаками результата творческой деятельности, поэтому обладатель имущественных авторских правомочий на использование данного наименования может претендовать на передачу ему права использования соответствующего наименования домена и без дополнительных ссылок на иные обстоятельства (наличие зарегистрированного товарного знака, фирменного наименования и т.п.). В случае регистрации подобного объекта существующего в русскоязычном написании в качестве доменного имени на латинице, существуют достаточные основания, по крайней мере, для требования о прекращении его использования в силу нарушения права на перевод (ст. 1260 ГК РФ). В то же время, наименование домена, не обладающее признаками результата творческой деятельности (например, обозначение «J7»), также способно являться предметом спора (см. далее).

2. При существующем положении вещей имеет место факт введения в заблуждение пользователей глобальной компьютерной сети либо акт недобросовестной конкуренции. Понятие недобросовестной конкуренции закреплено в ряде международных соглашений, посвящённых охране интеллектуальной собственности (в частности, в ч. (viii) ст. 2 Стокгольмской конвенции, учреждающей Всемирную

Организацию Интеллектуальной Собственности, п. 2 ст. 1, ст. 10-bis Парижской Конвенции по охране промышленной собственности) и активно используется зарубежным правоприменителем при решении споров в сфере предпринимательской деятельности.

Подобный подход вполне допустим и при рассмотрении споров о наименованиях доменов (в том числе, в РФ). При этом, однако, следует расширить сферу применения норм о недобросовестной конкуренции, не ограничивая её отношениями, связанными с осуществлением предпринимательской деятельности. Другими словами, предлагается в необходимых случаях применять по аналогии нормы о недопущении (пресечении) недобросовестной конкуренции к отношениям, не связанным с осуществлением предпринимательской деятельности, либо (что более желательно) закрепить в законодательстве нормы, специально регулирующие такие отношения. Так, при решении вопросов, связанных с соотношением права пользования доменом и права на имя (ст. 19 ГК РФ) следует исходить из того, имеет ли место введение в заблуждение относительно принадлежности соответствующего средства индивидуализации, либо иных признаков субъекта права на имя. Аналогичный подход справедлив в отношении наименований географических объектов, коммерческих наименований, названий судов и т.п.

Невозможна, например, передача однофамильцу известной личности А ранее зарегистрированного наименования домена "A.ru", поскольку в противном случае будет иметь место введение в заблуждение пользователей компьютерной сети, ожидающих найти по этому адресу информацию об А. Возможность же принудительной передачи ранее зарегистрированного однофамильцем наименования домена "A.ru" соответствующей известной личности (А) должна зависеть от контента (содержания) сайта. Если содержимое сайта не имеет отношения к А, основания для принудительной передачи А права на использование доменного имени "A.ru" отсутствуют, хотя в этом случае, не исключены

переговоры между А и однофамильцем о возмездной либо безвозмездной уступке соответствующих прав. Если же однофамилец разместил на сайте информацию, имеющую отношение к А, налицо факт введения в заблуждение пользователей сети, и право на использование доменного имени может быть принудительно передано А.

Аналогичным образом, если кто-либо зарегистрировал домен, пусть даже совпадающий с известной торговой маркой, но не обладающий признаками объекта авторского права (например, “j7.ru”), и наполняет соответствующий сайт контентом, не имеющим отношения к предпринимательской деятельности, возможность введения пользователей сети в заблуждение относительно предпринимательской деятельности обладателя прав на соответствующее торговое обозначение отсутствует. Право на использование такого наименования домена может стать предметом уступки по соглашению сторон, но не принудительной передачи. Если же контент сайта имеет отношение к предпринимательской деятельности (например, на сайте рекламируются какие-либо товары), использование в качестве наименования домена “чужого” торгового обозначения способно ввести в заблуждение пользователей сети, а значит, правообладатель имеет основания требовать передачи ему прав на использование наименования домена.

Если соответствующие отношения связаны с осуществлением предпринимательской деятельности, возможны также ссылки на введение в заблуждение путём использования обозначений, сходных до степени смешения с “чужими” фирменными наименованиями, товарными знаками или знаками обслуживания (необязательно в отношении аналогичных товаров или услуг) и т.п. Так, судебным решением⁹ в качестве акта недобросовестной конкуренции квалифицировано использование для аналогичной деятельности в качестве элемента наименования домена обозначения “3617 An-u”, сходного с более известным обозначением “3617Annu”, право на использование которого принадлежит другому лицу.

Кроме того, исходя из необходимости пресечения недобросовестной конкуренции, при решении споров, связанных с наименованиями доменов, наряду с рассмотренными обстоятельствами, следует учитывать:

1. Необходимость обеспечения свободы выражения мнения и свободы распространения информации¹⁰. Отсутствуют основания для требования о прекращении использования наименования домена, сходного с “чужим” средством индивидуализации, если указанное сходство является необходимым для идентификации соответствующего ресурса и не способно ввести в заблуждение пользователей сети. Так, вряд ли АО “МММ” имело бы основания для запрета использования наименования домена “anti-mmm.ru”, если бы содержание соответствующего ресурса было посвящено, например, обсуждению математического обоснования деятельности финансовых “пирамид”.

2. Необходимость учёта возможных ограничений указанных свобод¹¹. Если в только что рассмотренном примере предположить, что содержание сайта составляют высказывания в адрес юридического лица, умаляющие его деловую репутацию, вполне могут быть предъявлены соответствующие требования. Впрочем, основания для запрета на использование наименования домена в данном случае, как представляется, отсутствуют.

При “конкуренции” сходных информационных объектов, каждый из которых способен стать основой для наименования домена, следует исходить из *принципа приоритета* заявки на регистрацию наименования домена. В противном случае, невозможно определить относительную “важность” для целей регистрации наименования домена фирменного наименования либо товарного знака, наименования географического объекта либо имени гражданина и т.п. Данный принцип применим и к наименованиям доменов, основанным на зарегистрированных наименованиях мест происхождения товаров. При этом, на право пользования соответствующим наименованием домена могут претендовать все лица,

правомерно использующие данное наименование. При недостижении между ними согласия по условиям такого совместного использования, единственно возможным представляется применение рассматриваемого принципа.

Думается, учет предложенных положений в законодательстве позволит обеспечить более эффективное разрешение судебных споров, связанных с наименованиями доменов, а также пресечение недобросовестной конкуренции в данной сфере.

¹ См., например: *Сергеев А. П.* Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Учебник. — М.: ПРОСПЕКТ, 1999. — С. 19.

² См., например: https://www.nic.ru/dns/service/domain_su.html

³ Например, по аналогии с п.п. 5, 6 Правил разрешения споров по доменным именам компании Network Solutions, размещённых на сервере РосНИИРОС, которые исходят из нарушения права на товарный знак регистрацией соответствующего доменного имени (см.: <http://www.ripn.net:8082/nic/translations/nic-rev02.html>).

⁴ См., например: постановление Президиума ВАС РФ № 1192/00 от 16.01.2001 // Вестник ВАС РФ. — 2001. — № 5 (СПС “КонсультантПлюс”).

⁵ См., например: *Наумов В.* Правовые аспекты адресации в Интернете // Мир Internet. — 1999. — № 5. (Электронная библиотека “Сети и право”, ...articles/paper12.htm).

⁶ См. постановление Президиума ВАС РФ № 1192/00 от 16.01.2001. // Вестник ВАС РФ. — 2001. — № 5 (СПС КонсультантПлюс).

⁷ См., например: Европейская конвенция о формальных требованиях к заявке на патент (Париж, 11 декабря 1953 г.) / Сборник Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР “Международные соглашения по охране промышленной собственности”. — М., 1968 (СПС “Гарант”) и др.

⁸ См., например: Мадридское соглашение о санкциях за ложные и неправильные обозначения происхождения изделий от 14 апреля 1891 г. / Сборник Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР “Международные соглашения по охране промышленной собственности”. — М., 1968 (СПС “Гарант”) и др.

⁹ См.: La rubrique eNe ligne “3617 An-u”, contrefaçon de la marque Annu. — 05.03.2003. — <http://www.legalis.net/jnet/index.htm>, <http://www.legalis.net/cgi-iddn/certificat.cgi?IDDN.FR.010.0100731.000.R.A.2003.035.40100%20>

¹⁰ См.: ст. 29 Конституции РФ, ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 18 Всеобщей декларации прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. — 1998. — 10 декабря.

¹¹ См., например: п. 2 ст. 10, ст. 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 2 ст. 29 Конституции РФ, ст.ст. 129, 130 УК РФ, ст. 152 ГК РФ.

Е. В. Ткаченко

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

Р. В. Фомичева

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры арбитражного процесса
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

СУД ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПРАВАМ В СИСТЕМЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ РОССИИ

Система арбитражных судов переживает период глубокого реформирования.

Изначально система арбитражных судов включала в себя следующие звенья: арбитражные суды субъектов; апелляционные суды; федеральные арбитражные суды округов; Высший арбитражный суд.

Суд по интеллектуальным правам вошел в систему арбитражных судов в связи с принятием Федерального конституционного закона от 06.12.2011 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» 1, который нормативно закрепил существование Суда по интеллектуальным правам.

Для того, чтобы выяснить место Суда по интеллектуальным правам в системе арбитражных судов, необходимо рассмотреть функции и полномочия каждого компонента этой системы.

Прежде всего, следует остановиться на арбитражных судах субъектов.

Согласно ст. 34 АПК РФ к арбитражным судам субъектов Российской Федерации относятся: арбитражные суды республик; арбитражные суды краев; арбитражные суды

областей; арбитражные суды городов федерального значения; арбитражные суды автономной области; арбитражные суды автономных округов.

В соответствии со ст. 34 Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ от 28.04.1995 «Об арбитражных судах в Российской Федерации»² (далее — ФКЗ об арбитражных судах) на территориях нескольких субъектов Российской Федерации судебную власть может осуществлять один арбитражный суд. Судебную власть на территории одного субъекта Российской Федерации могут осуществлять несколько арбитражных судов.

В арбитражном суде субъекта Российской Федерации действует президиум. В арбитражном суде могут быть образованы судебные коллегии по рассмотрению споров, возникающих из гражданских и иных правоотношений, и по рассмотрению споров, возникающих из административных правоотношений. В составе арбитражного суда субъекта Российской Федерации федеральным законом могут быть образованы постоянные судебные присутствия, расположенные вне места постоянного пребывания арбитражного суда субъекта Российской Федерации (ст. 35 ФКЗ об арбитражных судах).

Постоянное судебное присутствие арбитражного суда субъекта Российской Федерации является обособленным подразделением соответствующего арбитражного суда субъекта Российской Федерации вне места постоянного пребывания этого суда и осуществляет его полномочия (ст. 43.1 ФКЗ об арбитражных судах).

В ст. 36 ФКЗ об арбитражных судах перечислены полномочия суда субъекта Российской Федерации, к которым, в частности, относятся:

— рассмотрение в первой инстанции все дела, подведомственных арбитражным судам в Российской Федерации, за исключением дел, отнесенных к компетенции Верховного Суда Российской Федерации, арбитражных судов округов и специализированных арбитражных судов;

- пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам принятых им и вступивших в законную силу судебных актов;
- обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению в деле, рассматриваемом им в любой инстанции;
- изучение и обобщение судебной практики;
- подготовка предложений по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов;
- анализ судебной статистики.

В системе арбитражных судов существуют арбитражные апелляционные суды, которые являются судами по проверке в апелляционной инстанции законности и обоснованности судебных актов арбитражных судов субъектов Российской Федерации, принятых ими в первой инстанции (ст. 33.1 ФКЗ об арбитражных судах).

В каждом судебном округе образуется несколько арбитражных апелляционных судов.

Так, например, в Поволжском судебном округе действуют Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд, осуществляющий проверку судебных актов, принятых арбитражными судами Пензенской области, Самарской области, Республики Татарстан (Татарстан), Ульяновской области, и Двенадцатый арбитражный апелляционный суд, осуществляющий проверку судебных актов, принятых арбитражными судами Астраханской области, Волгоградской области, Саратовской области.

В арбитражных апелляционных судах также как и в судах субъектов созданы постоянные судебные присутствия.

Полномочия арбитражного апелляционного суда указаны в ст. 33.3 ФКЗ об арбитражных судах, согласно которой арбитражный апелляционный суд:

- проверяет в апелляционной инстанции законность и обоснованность судебных актов, не вступивших в законную силу, по делам, рассмотренным арбитражными судами

субъектов Российской Федерации в первой инстанции, повторно рассматривая дело;

- пересматривает по вновь открывшимся обстоятельствам принятые им и вступившие в законную силу судебные акты;

- обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению в деле, рассматриваемом им в апелляционной инстанции;

- изучает и обобщает судебную практику;

- подготавливает предложения по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов;

- анализирует судебную статистику.

Судебная реформа не коснулась судов субъектов и апелляционных арбитражных судов, в то время как Федеральные арбитражные суды округов переименованы в арбитражные суды округов, однако полномочия у них не изменились.

Согласно ст. 24 ФКЗ об арбитражных судах, арбитражные суды округов являются судами по проверке в кассационной инстанции законности вступивших в законную силу судебных актов арбитражных судов субъектов Российской Федерации и арбитражных апелляционных судов, а в случаях, установленных федеральными законами, — судебных актов, принятых судами кассационной инстанции, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным конституционным законом. Арбитражные суды округов являются также судами первой инстанции по рассмотрению заявлений о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок по делам, рассматриваемым арбитражными судами, или за нарушение права на исполнение судебных актов в разумный срок, принятых арбитражными судами.

Постоянные судебные присутствия, как при апелляционных и судах субъектов не образуются.

Полномочия арбитражного суда округа указаны в ст. 26 ФКЗ об арбитражных судах, в которой говорится, что арбитражный суд округа:

— проверяет в кассационной инстанции законность судебных актов по делам, рассмотренным арбитражными судами субъектов Российской Федерации и арбитражными апелляционными судами, а в случаях, установленных федеральными законами, — судебных актов, принятых судами кассационной инстанции;

— пересматривает по вновь открывшимся обстоятельствам принятые им и вступившие в законную силу судебные акты;

— обращается в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению в рассматриваемом им деле;

— изучает и обобщает судебную практику;

— подготавливает предложения по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов;

— анализирует судебную статистику;

— рассматривает в качестве суда первой инстанции заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок по делам, рассматриваемым арбитражными судами, или за нарушение права на исполнение судебных актов в разумный срок, принятых арбитражными судами.

В настоящее время Высший арбитражный суд исключен из системы арбитражных судов. Его функции выполняет Судебная коллегия по экономическим спорам при Верховном суде РФ, которая совмещает в себе вторую кассационную и надзорные инстанции (ст. 291.1, 308.1 АПК РФ).

ФКЗ об арбитражных судах не относит Судебную коллегия по экономическим спорам при Верховном суде РФ к системе арбитражных судов. Однако, на наш взгляд, это весьма спорно, поскольку данная коллегия осуществляет определенные функции в системе арбитражных судов.

Рассмотрим особенности Суда по интеллектуальным правам.

Статья 43.2 ФКЗ об арбитражных судах указывает, что Суд по интеллектуальным правам является специализированным арбитражным судом, рассматривающим в пределах своей компетенции в качестве суда первой и кассационной инстанций дела по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав.

Понятие и содержание интеллектуальных прав определено ст. 1226 ГК РФ, которая относит к их числу результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Принципиальным свойством интеллектуальных прав является предоставленная законом правовая защита, т.е. законодательное регулирование притязаний со стороны отдельных лиц на указанные объекты.

Таким образом, Суд по интеллектуальным правам совмещает полномочия двух инстанций.

Полномочия Суда по интеллектуальным правам указаны в ст. 43.4 ФКЗ об арбитражных судах, согласно которой Суд по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции рассматривает две категории дел.

Во-первых, дела об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти в сфере патентных прав и прав на селекционные достижения, права на топологии интегральных микросхем, права на секреты производства (ноу-хау), права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, права использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии;

Во-вторых, дела по спорам о предоставлении или прекращении правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий (за исключением объектов авторских и смежных прав, топологий интегральных микросхем), в том числе:

— об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) федерального органа

исполнительной власти по интеллектуальной собственности, федерального органа исполнительной власти по селекционным достижениям и их должностных лиц, а также органов, уполномоченных Правительством Российской Федерации рассматривать заявки на выдачу патента на секретные изобретения;

- об оспаривании решения федерального антимонопольного органа о признании недобросовестной конкуренцией действий, связанных с приобретением исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, товаров, работ, услуг и предприятий;

- об установлении патентообладателя;

- о признании недействительными патента на изобретение, полезную модель, промышленный образец или селекционное достижение, решения о предоставлении правовой охраны товарному знаку, наименованию места происхождения товара и о предоставлении исключительного права на такое наименование, если федеральным законом не предусмотрено иной порядок их признания недействительными;

- о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования.

Следует отметить, что в связи с отсутствием специальных указаний, в ситуации, когда на момент образования Суда по интеллектуальным правам в арбитражных судах есть возбужденные дела, которые в соответствии с законом подлежат рассмотрению именно вновь образованным судом, следует применять общие положения арбитражного законодательства, которые предусматривают возможность рассмотрения всех возбужденных дел именно тем судом, которым они были возбуждены. Указанный подход позволит обеспечить постепенную и безболезненную передачу полномочий от одного суда другому.

Также хотелось бы подчеркнуть, что основополагающим критерием определения компетенции Суда по интеллектуальным правам является критерий характера спора, т.е. предметный, а субъектный состав спора играет второстепенную

роль. В этой связи в отличие от иных судов, ему подведомственны дела, как в отношении юридических лиц, так и в отношении граждан. Таким образом, Суд по интеллектуальным правам является комплексным органом, обладающим специальной предметной компетенцией, т.е. категориями дел, которые подлежат рассмотрению исключительно данным судебным органом.

В качестве суда кассационной инстанции Суд по интеллектуальным правам рассматривает: дела, рассмотренные им по первой инстанции; дела о защите интеллектуальных прав, рассмотренные арбитражными судами субъектов Российской Федерации по первой инстанции, арбитражными апелляционными судами.

Особой категорией полномочий Суда по Интеллектуальным правам является возможность пересмотра дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам. Это означает, что в случае выявления таких юридических фактов, которые способны в значительной мере повлиять на положение вещей и в то же время они не были и не могли быть известны лицам, участвующим в деле на момент принятия первичного судебного акта, лица, участвующие в деле, вправе обратиться в Суд по интеллектуальным правам с заявлениям по пересмотру дела. Отсутствие специальной регламентации свидетельствует о том, что подобное право предоставлено любым лицам, участвующим в деле, как гражданам, так и юридическим лицам, т.е. фактически суд вправе пересмотреть в связи с указанными обстоятельствами как решение арбитражного суда, так и суда общей юрисдикции. Однако это вступает в противоречие с положениями ФКЗ об арбитражных судах, которые предусматривают распространение его полномочий лишь на судебные акты, принятые арбитражными судами, причем судами субъекта РФ или апелляционным судом. Судебные акты иных органов судебной власти не входят в компетенцию рассматриваемого органа³.

Помимо полномочий по осуществлению правосудия Суд по интеллектуальным правам, как и другие звенья системы

арбитражных судов Российской Федерации, имеет ряд полномочий, направленных на организацию и развитие собственной деятельности, к которым законом отнесены:

— обращение в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности закона, примененного или подлежащего применению в рассматриваемом им деле. Данное полномочие может рассматриваться как одна из наиболее эффективных форм защиты от необоснованной деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти;

— изучение и обобщение судебной практики, что позволяет избежать возможных судебных ошибок;

— подготовка предложений по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов. Как орган правоприменения, Суд по Интеллектуальным правам может выявить недостатки правового регулирования различных вопросов и найти способ их устранения;

— анализ судебной статистики, во-первых, характеризует «КПД» суда, во-вторых, способствует выявлению проблем, требующих пристального внимания и участия со стороны судейского сообщества.

Как отметила председатель Суда по интеллектуальным правам Л.А. Новоселова, создание специализированного Суда для разрешения споров в области интеллектуальных прав является еще одним шагом для повышения авторитета Российской Федерации и в том числе отечественной судебной системы на мировой арене.⁴ Его деятельность также позволит обеспечить единообразие правоприменительной практики, поскольку Суд по интеллектуальным правам рассматривает споры, как в качестве суда первой инстанции, так и в кассационном порядке.

¹ См.: Собр. законодательства Российской Федерации. 2011. № 50, ст. 7334.

² См.: Собр. законодательства Российской Федерации. 1995. №18, ст.1589.

³ См.: Григорьева Е. А., Черникова О. С. Комментарий к Федеральному конституционному закону от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (постатейный) /под ред. Е. В. Шкуновой. Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2012 //Доступ из правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Интервью с Председателем Суда по Интеллектуальным правам, доктором юридических наук Людмилой Александровной Новоселовой // Юридический мир. 2014. № 1.

А. А. Азаренко

Заместитель руководителя Управления Федеральной антимонопольной службы
по Московской области

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ И СОПОСТАВЛЕНИЯ ВЫВОДОВ ЭКСПЕРТОВ В РАМКАХ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ О НАРУШЕНИИ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В ходе рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства, возбужденных по признакам нарушения статьи 14 Федерального закона «О защите конкуренции», связанных с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности, антимонопольный орган сталкивается с проблемой оценки и сопоставления выводов патентных экспертов об использовании в спорной продукции объекта, охраняемого действующим патентом.

Речь идет о том, что в рамках рассмотрения указанных дел о нарушении антимонопольного законодательства со стороны заявителей, зачастую, в антимонопольный орган представляются экспертные заключения патентных поверенных (далее — патентные экспертизы) об использовании ответчиками в спорной продукции объектов, охраняемых действующими патентами. При этом, со стороны ответчиков представляются аналогичные патентные экспертизы, выводы по которым прямо противоположны.

Антимонопольный орган, сталкиваясь с подобными ситуациями, исходя из отсутствия специальных познаний в области проведения патентных экспертиз, принимает решение о направлении запроса в Роспатент для получения соответствующего заключения.

Направляя результаты сравнительного анализа по спорной продукции, проведенного по запросу антимонопольного органа, Роспатент обращает внимание, что итоговый

документ, содержащий результаты данного анализа (Справка ФИПС) подготовлен в рамках полномочий Роспатента по представлению разъяснений по вопросам, отнесенным к сфере его деятельности, и не является экспертным заключением.

По мнению антимонопольного органа, указанное обстоятельство может быть принято Арбитражными судами во внимание при обжаловании Решений Комиссии антимонопольного органа по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства, а также выданных на их основании Предписаний.

Так, например, по заявлению ООО «Сунержа» (г. Санкт-Петербург) Московским областным УФАС России в отношении ООО «Двин» (Московская область) возбуждено дело по признакам нарушения пункта 4 части 1 статьи 14 Федерального закона «О защите конкуренции» в части введения в оборот товара, при котором незаконно используются результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации работ, услуг, выразившимся в производстве и реализации изделия полотенцесушитель «D primo» с использованием в указанном изделии всех существенных признаков промышленного образца № 65740, правообладателем которого является заявитель.

В рамках рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства ООО «Сунержа» представлены результаты патентной экспертизы, согласно которой каждый из существенных признаков промышленного образца по патенту № 65740 полностью использован в изделии «D primo».

Вместе с тем, ответчиком в материалы дела о нарушении антимонопольного законодательства представлено экспертное заключение, подготовленное по заказу ООО «Двин». Согласно представленному заключению, изделие «D primo» всех существенных признаков промышленного образца по патенту № 65740 не содержит.

В целях полного и всестороннего рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства, Московским областным УФАС России запрошено мнение Роспатента по вопросу использования в спорной продукции запатентованного объекта.

В соответствии со справкой, предоставленной Роспатентом, изделию «D primo» присущи все признаки промышленного образца №65740, перечисленные в перечне его существенных признаков. Одновременно, Роспатент в своем ответе указывает, что подготовленная ФИПС Справка с результатами проведенного анализа подготовлена в рамках полномочий Роспатента по представлению разъяснений по вопросам, отнесенным к сфере его деятельности, и не является экспертным заключением.

Руководствуясь объективной оценкой представленных доказательств в совокупности, в том числе результатами проведенного Роспатентом анализа, Комиссией Московского областного УФАС России в действиях ООО «Двин» установлен факт нарушения пункта 4 части 1 статьи 14 Федерального закона «О защите конкуренции» в части введения в оборот товара, при котором незаконно используются результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации работ, услуг, выразившегося в производстве и реализации изделия «D primo», с использованием в указанном изделии всех существенных признаков промышленного образца № 65740.

На основании Решения, принятого по результатам рассмотрения дела, ответчику выдано Предписание о прекращении нарушения антимонопольного законодательства.

Не согласившись с Решением Комиссии Московского областного УФАС России, ООО «Двин» обратилось в Арбитражный суд г. Москвы с заявлением о признании Решения и Предписания по делу о нарушении антимонопольного законодательства незаконными.

В обоснование своих требований ООО «Двин» приводит, в том числе, то обстоятельство, что Справка Роспатента не является экспертным заключением и не может служить достаточным доказательством по делу при наличии в материалах дела патентных экспертиз, представленных сторонами по делу.

Согласившись с мнением представителей ООО «Двин» в судебном заседании Арбитражным судом г. Москвы принято решение о проведении независимой судебной экспертизы Центром независимых экспертиз Российского экологического фонда «ТЕХЭКО».

Согласно выводам эксперта Центра, в изделии полотенецесушитель «D primo» не использованы все существенные признаки промышленного образца № 65740.

Однако, Арбитражным судом г. Москвы при рассмотрении результатов судебной экспертизы выявлены ее формальные недостатки, а также аффилированность проводившего ее эксперта с ООО «Двин».

Одновременно, Арбитражным судом г. Москвы в своем Решении по делу №А40-6015/2014 отражено, что заключения патентных поверенных являются заключением специалистов, осуществляющих частную практику в области экспертизы, в то время как Роспатент является уполномоченным государственным органом по интеллектуальной собственности.

Вышеуказанные обстоятельства послужили основанием отказа в удовлетворении исковых требований ООО «Двин» о признании незаконными Решения и Предписания Комиссии Московского областного УФАС России по делу о нарушении антимонопольного законодательства.

Анализируя обстоятельства рассмотрения Арбитражным судом г. Москвы дела № А40-6015/2014 по исковому заявлению ООО «Двин», Московское областное УФАС России приходит к выводу о том, что надлежащее проведение судебной экспертизы в рамках рассмотрения данного дела при прочих

неизменных обстоятельствах, могло существенно повлиять на решение суда.

Московское областное УФАС России готово согласиться с позицией Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-6015/2014 о различии в статусах патентных поверенных, как специалистов, осуществляющих частную практику в области экспертизы, и Роспатента, как уполномоченного государственного органа по интеллектуальной собственности.

Однако, в отдельных случаях, Арбитражные суды при рассмотрении дел не принимают во внимание мнение Роспатента, изложенное в Справке ФИПС, в совокупности с иными доказательствами, в связи с отсутствием у нее особого статуса.

В связи с изложенным, Московское областное УФАС России предлагает вынести на обсуждение вопрос о возможности присвоения мнению Роспатента, изложенному в справке ФИПС, особого статуса.

З. Х. Акбашева

Руководитель Управления Федеральной антимонопольной службы
по Республике Башкортостан

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ ДЕЛ, РАССМОТРЕННЫХ БАШКОРТОСТАНСКИМ УФАС РОССИИ

Башкортостанское УФАС России рассмотрело обращение Федерального государственного унитарного предприятия «Уфимский завод металлических и пластмассовых изделий» (450069, РБ, г. Уфа, ул. Высоковольтная, 6) по вопросу нарушения Закрытым акционерным обществом «Владимирский

завод специального оборудования» (600026, г. Владимир, ул. Тракторная, 43г) антимонопольного законодательства, выразившегося в совершении действий по недобросовестной конкуренции.

Суть нарушения выразилась в следующем. ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» участвовало в открытом аукционе и проведении запроса котировок на поставку технических средств реабилитации инвалидов (кресло-колясок различных типов) для нужд Государственного учреждения — Регионального отделения Фонда социального страхования Российской Федерации по Республике Башкортостан. В результате не указания информации на поставленных согласно государственных контрактов креслах — колясках, а именно информации о товарном знаке предприятия-производителя, обозначении типа (модели) кресла-коляски, обозначении технических условий, даты изготовления (год, месяц), надписи «Сделано в России», знака соответствия при сертификации в законодательно регулируемой сфере, в открытом аукционе и проведении запроса котировок на поставку технических средств реабилитации инвалидов (кресло-колясок различных типов) ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» совершило действия по недобросовестной конкуренции, нарушило пункт 2 части 1 статьи 14 Закона «О защите конкуренции». Действия ЗАО «Владимирский завод специального оборудования», выразившиеся во введении в заблуждение в отношении места производства или в отношении производителей кресла-колясок, поставленных в результате участия в открытом аукционе (01.12.2009 г.) и проведении запроса котировок (28.05.2010 г.) на поставку технических средств реабилитации инвалидов (кресло-колясок различных типов), проведенного ГУ — РО ФСС РФ по РБ, являются действиями по недобросовестной конкуренции, направленными на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, могут причинить убытки заявителю,

способны ввести в заблуждение в отношении места производства или в отношении производителей кресла-колясок, ущемить права иных хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность на данном товарном рынке. Управлением по признакам нарушения пункта 2 части 1 статьи 14 Федерального закона от 26 июля 2006 года №135-ФЗ «О защите конкуренции» в отношении ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» было возбуждено и рассмотрено дело № А-423/14–10.

В рамках рассмотрения дела было установлено, что ЗАО «Владимирский завод специального оборудования», используя представленные документы в рамках участия в открытом аукционе (01.12.2009 г.) и проведении запроса котировок (28.05.2010 г.) на поставку технических средств реабилитации инвалидов, содержащие недостоверные сведения, в первую очередь о происхождении товара в конкурсную и котировочную документацию, становясь исполнителем государственных заказов, создает условия проникновения на внутренний рынок России продукции иностранных государств под видом отечественной, используя приемы недобросовестной конкуренции на рынке изделий медицинского назначения.

Управлением была проведена огромная работа по сбору и исследованию доказательств, в т.ч. анализ и направление запросов информации в соответствии с перечнем получателей технических средств реабилитации в результате участия в открытом аукционе (01.12.2009 г.) и проведении запроса котировок (28.05.2010 г.) на поставку технических средств реабилитации инвалидов. Методом произвольной выборки 93 получателям технических средств реабилитации (кресло — колясок инвалидов различных типов) в результате проведенных запроса котировок и открытого аукциона на поставку технических средств реабилитации инвалидов, Управлением были направлены запросы информации на предмет установления страны происхождения изделия.

В результате осуществления действий по недобросовестной конкуренции бюджету Республики Башкортостан был нанесен экономический ущерб, так как факт умышленного предоставления заявителем недостоверных сведений о стране происхождения товара (изготовлено в России), предоставил ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» дополнительную преференцию в размере 15% от цены контрактов.

ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» своими недобросовестными действиями, запрещенными антимонопольным законодательством, ограничил конкуренцию на рынке изготовления и поставки технических средств реабилитации инвалидов. Это позволило завысить цену контракта, вследствие чего обществом была получена максимальная прибыль.

При вынесении решения по данному делу, комиссия Башкортостанского УФАС России учла характер и степень общественной опасности правонарушения, а именно:

1) социальную направленность поставки продукции — инвалидов кресел для самых социально незащищенных слоев населения (инвалидов), для которых использование технических средств реабилитации является необходимым условием обеспечения нормальной жизнедеятельности, напрямую связанную с возможностью причинения угрозы жизни и здоровью лиц, являющихся получателями кресел-колясок;

2) закупку государственным органом получателем бюджетных средств большого количества технических средств реабилитации инвалидов на значительную сумму заключенных контрактов;

3) факт умышленного предоставления заявителем недостоверных сведений о стране происхождения товара, предоставляющий ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» дополнительную преференцию в размере 15% от пены контрактов — (при условии изготовления товара в России).

С учетом все рассмотренных обстоятельств, ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» было признано нарушившим пункт 2 части 1 статьи 14 Закона «О защите конкуренции», обществу было выдано предписание об устранении нарушения.

Не согласившись с вынесенным решением и предписанием по делу №А-423/14–10 о нарушении антимонопольного законодательства, Закрытое акционерное общество «Владимирский завод специального оборудования» обратилось в Арбитражный суд Республики Башкортостан с заявлением о признании незаконными решения и предписания Управления Федеральной антимонопольной службы по Республике Башкортостан.

Рассмотрев материалы дела, выслушав представителей сторон, и третьих лиц, исследовав и оценив представленные доказательства, 03 февраля 2012 г. Арбитражный суд установил, что по результатам рассмотрения обращения ФГУП «Уфимский завод металлических и пластмассовых изделий на действия ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» выразившиеся во введении в заблуждение в отношении места производства или в отношении производителей кресла-колясок, поставленных в результате участия в открытом аукционе и проведения запроса котировок на поставку технических средств реабилитации инвалидов (кресло-колясок различных типов), Управлением Федеральной антимонопольной службы по Республике Башкортостан 28.06.2011 г. вынесено правомерное решение, в соответствии с которым ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» признано нарушившим пункт 2 части 1 статьи 14 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

12.04.2012 г. Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд оставил без изменений решение Арбитражного суда Республики Башкортостан по делу №А07-17628/2011, а апелляционную жалобу ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» — без удовлетворения.

11.05.2012 г. ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» исполнил выданное Управлением Федеральной антимонопольной службы по Республике Башкортостан предписание №109-А-423/14–10 по делу №А-423/14–10 о нарушении антимонопольного законодательства от 28.06.2011 г., направив уведомление о принятии мер по исполнению предписания с приложением приказа №79-о от 24.04.2012 г.

В дальнейшем, Федеральный Арбитражный суд Уральского округа рассмотрел кассационную жалобу закрытого акционерного общества «Владимирский завод специального оборудования» на решение Арбитражного суда РБ от 03.02.2012 г. и постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.04.2012 г. Постановлением от 21.08.2012 г. арбитражный суд решил отказать ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» в удовлетворении требования о признании незаконным и отмене Решения Арбитражного суда Республики Башкортостан и Постановления Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда и оставить в силе вышеуказанные судебные акты.

29.08.2011 г. должностное лицо Башкортостанского УФАС России постановило применить к юридическому лицу — ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» меры административной ответственности за нарушение части 1 статьи 14.33 КоАП РФ в виде штрафа в размере ста тысяч рублей.

Данное постановление также было обжаловано ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» в Арбитражный суд Владимирской области. Решением Арбитражного суда Владимирской области по делу №А11–8146.2011 от 10 июля 2012 г. в удовлетворении требований ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» отказано, постановление Башкортостанского УФАС России признано судом законным и обоснованным.

15.10.2012 г. Первый арбитражный Апелляционный суд постановил — решение Арбитражного суда Владимирской

области оставить без изменения, а апелляционную жалобу ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» — без удовлетворения.

Возбуждение и рассмотрение аналогичных дел весьма актуально, так как ЗАО «Владимирский завод специального оборудования» постоянно принимает участие в довольно большом количестве проводимых торгов на поставку технических средств реабилитации инвалидов по всей Российской Федерации. Подобная практика совершения недобросовестных действий в процессе проведения государственных и муниципальных закупок наблюдается достаточно часто, так как предоставляет недобросовестным игрокам на рынке дополнительные льготы и преимущества, и в случае победы такого недобросовестного участника в проведенных процедурах закупок, антимонопольный орган рассматривает подобные факты как нарушение антимонопольного законодательства.

Е. А. Акимкина

Ведущий специалист-эксперт отдела естественных монополий и рекламы
Управления Федеральной антимонопольной службы по Орловской области

НАНЕСЕНИЕ (ВОЗМОЖНОСТЬ НАНЕСЕНИЯ) УЩЕРБА ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ КАК ОДИН ИЗ КОМПОНЕНТОВ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Деловая репутация относится к числу нематериальных благ, принадлежащих как гражданину, так и юридическому лицу, является неотчуждаемой и непередаваемой иным способом.

Согласно Юридической энциклопедии (под ред. Тихомирова М. Ю., 2008 г.), деловая репутация — это приобретаемая в процессе профессиональной или предпринимательской деятельности общественная оценка, общее или широко распространенное мнение о деловых качествах, достоинствах человека или юридического лица.

Положительная деловая репутация юридических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, является одним из важных условий их успешной предпринимательской деятельности.

Право на положительную деловую репутацию является неотъемлемым правом любого юридического лица, а нарушение таких прав может наносить не только моральный вред, но и материальный ущерб.

В условиях рыночной экономики вопрос о защите деловой репутации приобретает большее значение, поскольку он связан не только с этической сферой, но и с прибылью, которую получает юридическое лицо. Возможность защиты деловой репутации является неотъемлемой составной частью правовой системы Российской Федерации.

Защита деловой репутации включает охрану права юридического лица на правдивые сведения о нем самом и о его деятельности.

В случае если юридическое лицо сталкивается с распространением конкурентом о нем недостоверных, искаженных сведений, которые могут причинить ему убытки или нанести вред его деловой репутации (признаки нарушения требований части 1 статьи 14 Закона «О защите конкуренции»), это является поводом для обращения с заявлением в антимонопольный орган.

Согласно части 1 статьи 14 Закона «О защите конкуренции», недобросовестная конкуренция не допускается, в том числе:

- 1) распространение ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту либо нанести ущерб его деловой репутации;

2) введение в заблуждение в отношении характера, способа и места производства, потребительских свойств, качества и количества товара или в отношении его производителей;

3) некорректное сравнение хозяйствующим субъектом производимых или реализуемых им товаров с товарами, производимыми или реализуемыми другими хозяйствующими субъектами;

4) продажа, обмен или иное введение в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ, услуг;

5) незаконное получение, использование, разглашение информации, составляющей коммерческую, служебную или иную охраняемую законом тайну.

Сам термин «недобросовестная конкуренция», закреплен законодательно в пункте 9 статье 14 Закона «О защите конкуренции».

Согласно указанной норме, недобросовестная конкуренция — это любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации.

Согласно разъяснениям ФАС России, из определения недобросовестной конкуренции, содержащегося в пункте 9 статьи 4 Закона «О защите конкуренции», следует, что для признания действий недобросовестной конкуренцией они должны одновременно соответствовать нескольким условиям:

— совершаться хозяйствующими субъектами (группой лиц);

— быть направленными на получение преимуществ в предпринимательской деятельности;

— противоречить законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости;

— причинять или быть способны причинить убытки другому хозяйствующему субъекту-конкуренту, либо нанести ущерб его деловой репутации (причинение вреда).

Таким образом, исходя из вышеуказанного следует, что недобросовестная конкуренция имеет место лишь в тех случаях, когда неправомерные действия причинили (или могут причинить) убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесли (могли нанести) ущерб их деловой репутации на конкретном товарном рынке или рынке услуг.

При этом обязательным условием является наличие причинно-следственной связи между действиями лица и возникновением или возможностью возникновения убытков иных субъектов (конкурентов).

Согласно позиции ФАС России, во многом сходной с позицией арбитражных судов по указанному вопросу, при доказывании факта недобросовестной конкуренции антимонопольные органы не должны руководствоваться формальным методом (исходя из презумпции того, что любое нарушение подразумевает получение преимуществ и причиняет ущерб тем, кто соблюдает установленные ограничения), а исходить из конкретных доказательств и документов.

При этом закон «О защите конкуренции» не устанавливает конкретный перечень доказательств, которыми могут быть подтверждены факты недобросовестной конкуренции.

Причинение материального вреда, причиненного заявителю, может подтверждаться представлением различной экономической документации, подтверждающей снижение доходов юридического лица.

Как показывает практика Управления Федеральной антимонопольной службы по Орловской области (далее — Орловское УФАС России, Управление), в большинстве случаев

хозяйствующие субъекты не представляют указанные доказательства вместе с заявлением о нарушении антимонопольного законодательства.

Нередки случаи отсутствия в заявлении и сведений о причиненном ущербе деловой репутации юридического лица иным субъектом-конкурентом. Более того, в заявлениях не указывается возможность причинения такого ущерба. Соответственно, сами доказательства причинения ущерба (или возможности причинения) деловой репутации, отсутствуют.

В связи с позицией ФАС России о специфике правоприменения статьи 14 Закона «О защите конкуренции», Орловское УФАС России считает необходимым обратить на данный аспект особое внимание еще на стадии рассмотрения заявления о нарушениях антимонопольного законодательства.

Управление полагает невозможным возбуждение дел по признакам нарушения статьи 14 Закона «О защите конкуренции» без достаточной информации в заявлении и доказательной базы, позволяющей сделать вывод о наличии признаков нарушения антимонопольного законодательства.

Исходя из вышеизложенного, Орловское УФАС России руководствуясь положениями Закона «О защите конкуренции», судебной практикой, сложившейся в Управлении и разъяснениями ФАС России, при рассмотрении заявлений юридических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, пытается получить все возможные документы и сведения, свидетельствующие о факте недобросовестной конкуренции, обращая особое внимание доказательствам причинения (или возможности причинения) материального ущерба или ущерба деловой репутации.

В порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, при обращениях юридических лиц в антимонопольный орган, Управление рекомендует представлять в качестве доказательств причинения (возможности причинения) ущерба деловой репутации хозяйствующего субъекта документы и сведения, свидетельствующие о тенденциях ухудшения общественной оценки юридического

лица (например, результаты социологических опросов проводимых среди клиентской базы юридического лица или на официальных сайтах юридических лиц).

Орловское УФАС России отмечает, что в связи с некоторым ужесточением требований, предъявляемым к самим заявлениям, количество дел, возбуждаемых по признакам нарушения статьи 14 Закона «О защите конкуренции», сократилось.

Вместе с тем, Управление полагает, что сбор необходимой информации и документов, свидетельствующих о причинении убытков и о нанесении (возможности нанесения) вреда деловой репутации способствует всестороннему и полноценному рассмотрению дел, возбужденных по признакам нарушения антимонопольного законодательства.

Д. В. Захаров

Старший государственный инспектор отдела контроля товарных рынков
Управления Федеральной антимонопольной службы России по Саратовской области

ИСХОДНЫЙ КОД ИНТЕРНЕТ-САЙТА, КАК ПРЕДМЕТ НАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 14 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 26.07.2006 № 135-ФЗ «О ЗАЩИТЕ КОНКУРЕНЦИИ»

Статьей 2 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» приводится определение сайта в сети «Интернет», как совокупности программ для электронных вычислительных машин и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее — сеть «Интернет») по доменным именам

и (или) по сетевым адресам, позволяющим идентифицировать сайты в сети «Интернет». Норма, давшая раскрытие указанного явления была введена законодателем относительно недавно — в 2012 году, с принятием Федерального закона от 28.07.2012 № 139-ФЗ.

Интернет-сайты, как совокупность программ для ЭВМ, являются объектами гражданских прав в силу ст. 128 и пп. 2 п. 1 ст. 1225 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). При этом, в отношении результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации статьей 129 ГК РФ, устанавливается специальный режим оборотоспособности результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Распоряжение исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации предусмотрено ст. 1233 ГК РФ.

Существовавшая ранее правоприменительная практика опиралась на постановление президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.04.2008 г. №255/08 и, следуя толкованию, данному ВАС исходила из того, что интернет-сайты являются составными произведениями, объектами авторского права, подлежащими защите.

Для целей регулирования антимонопольного законодательства, пресечения недобросовестной конкуренции представляется необходимым учитывать то обстоятельство, что любой интернет-сайт является в первую очередь программным продуктом, исходя из возможностей и функциональных особенностей которого формируется контент. Необходимо отметить, что объектом гражданского оборота далеко не всегда является готовый сайт с наполнением, а, как правило, так называемый «движок» (от английского engine — двигатель) программный продукт, определяющий параметры функционирования сайта, разработанный или лицензированный приобретателю для последующего наполнения.

Программные продукты, являющиеся системами управления сайтом, как правило не пишутся разработчиком «с нуля».

За основу берется CMS (Content Management System — Система управления содержанием) типа Open^o source (с открытым исходным кодом, например, Drupal, Joomla, либо «проприетарное» ПО (например, 1С-Битрикс, UMI CMS), отличается отсутствием открытого исходного кода, что, впрочем, не мешает приобрести заинтересованному лицу расширенную лицензию на его использование и в той или иной степени осуществить дублирование кода, либо части кода в целях его последующего введения в оборот в качестве программного продукта.

Вопрос незаконного копирования программной части (исходного кода) интернет сайтов актуален для рынка оказания услуг по созданию и продвижению сайтов. В этом случае признаки копирования исходного кода, как правило, очевидны, поскольку при копировании исходного кода, без внесения в него существенных изменений, структура, параметры функционирования, а зачастую и внешнее отображение становится идентичным сайту — донору.

Однако, на взгляд автора, более актуальной проблемой в настоящее время является защита от копирования исходного кода онлайн-сервисов и приложений, которые в силу своей функциональности могут являться для разработчика (владельца исключительных прав) источником существенного дохода.

И тот и другой приведенный пример в достаточной мере отвечают признакам нарушения антимонопольного законодательства, предусмотренного п. 4 ч. 1 ст. 14 ФЗ «О защите конкуренции», запрещающей продажу, обмен или иное введение в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ, услуг.

В настоящее время правоприменительная практика, связанная с незаконным использованием результатов интеллектуальной деятельности в виде исходного кода программ для ЭВМ сформировалась недостаточно. Отчасти это может быть связано с тем обстоятельством, что разработчики

интернет-сайтов зачастую не осуществляют действий по государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности в порядке ст. 1246 ГК РФ, а также проблемами, которые вызывает процесс доказывания обстоятельств использования результатов интеллектуальной деятельности, путем копирования исходного кода программы для ЭВМ в разрезе использования исходного кода интернет-сайтов и онлайн-приложений.

Так, если для осуществления осмотра доказательства по месту его нахождения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет не требуется каких-либо специальных познаний, то исследование полученных от хостинг-провайдера лог-файлов, содержащих хронологическое отображение всех событий и действий на интернет-сайте, а также исследование исходного кода, полученного от сторон, в целях его сравнительного анализа — сопряжено с необходимостью проведения соответствующей экспертизы.

Необходимо особо отметить, что на настоящий момент нет четких критериев, позволяющих квалифицировать действия по использованию чужого исходного кода, как незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности. Таким образом, в каждом конкретном случае правоприменители должны ставить перед экспертами вопросы, ответы на которые позволяют установить факт незаконного использования результатов интеллектуальной деятельности, учитывая при этом технические аспекты, поскольку сам по себе факт заимствования части исходного кода не обязательно приводит к созданию и последующему введению в оборот товара, являющегося предметом нарушения, указанным в ст. 14 ФЗ «О защите конкуренции».

В этой связи перед экспертами необходимо будет ставить вопросы об объеме заимствованного исходного кода, о достаточности этого объема для обеспечения работоспособности программы для ЭВМ, либо отдельных ее процессов, об изменениях, внесенных в заимствованный исходный код, о возможности создания аналогичного исходного кода

в независимости от первоначального разработчика программного обеспечения и др.

Учитывая зарубежную практику споров хозяйствующих субъектов относительно незаконного заимствования и дальнейшего использования исходного кода программ (урегулированные мировым соглашением требования Microsoft к ведущим производителям устройств на операционной системе Android, претензии Oracle к Google, полагающей, что платформа Android написана с частичным использованием исходного кода языка программирования Java, споры между Samsung и Apple в части незаконного использования программных решений), можно предположить, что в России подобные споры могут возникнуть в недалеком будущем. И если о «патентных войнах» производителей электронной продукции говорить пока не приходится, то нарушения ФЗ «О защите конкуренции», в связи с незаконным заимствованием программных решений, используемых при создании интернет сайтов и онлайн-приложений вполне могут стать предметом рассмотрения Федеральной антимонопольной службы России уже очень скоро.

М. В. Титова

Ведущий специалист-эксперт отдела естественных монополий и рекламы
Управления Федеральной антимонопольной службы по Орловской области

ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ФИРМЕННОГО НАИМЕНОВАНИЯ КАК СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

В последнее годы все более актуальной становится проблема защиты исключительных прав на различные виды интеллектуальной собственности, причем особенно отчетливо

это прослеживается в сфере использования средств индивидуализации. В частности, практика антимонопольных органов, арбитражных судов, суда по интеллектуальным правам свидетельствует о росте количества споров, возникающих между правообладателями товарных знаков и обладателями других средств индивидуализации, как являющихся объектами интеллектуальных прав (фирменные наименования, коммерческие обозначения), так и не являющихся таковыми (наименования некоммерческих организаций, названия средств массовой информации, доменные имена и т.п.).

В соответствии со статьей 1225 ГК РФ, фирменное наименование является средством индивидуализации юридического лица и по своему правовому положению приравнивается к объектам интеллектуальной собственности.

В соответствии с пунктом 14 частью 1 статьи 1225 ГК РФ, результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальной собственностью), являются, в том числе, и фирменные наименования.

Согласно пункту 1 статьи 1475 ГК РФ, на территории Российской Федерации действует исключительное право на фирменное наименование, включенное в единый государственный реестр юридических лиц. В силу пункта 4 статьи 54 ГК РФ юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, должно иметь фирменное наименование. Юридическое лицо, фирменное наименование которого зарегистрировано в установленном порядке, имеет исключительное право его использования.

Согласно части 1 статьи 1474 ГК РФ, юридическому лицу принадлежит исключительное право использования своего фирменного наименования в качестве средства индивидуализации любым не противоречащим закону способом (исключительное право на фирменное наименование), в том числе путем его указания на вывесках, бланках, в счетах и

иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах или их упаковках.

Лицо, неправомерно использующее чужое зарегистрированное фирменное наименование, по требованию обладателя права на фирменное наименование обязано прекратить его использование и возместить причиненные убытки.

Согласно статье 4 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» фирменное наименование должно содержать наименование общества и указание на его организационно-правовую форму.

В силу статьи 1225, части 3 статьи 1474 Гражданского кодекса Российской Федерации, Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», исключительное право на фирменное наименование возникает у юридического лица в момент регистрации самого юридического лица.

Для разрешения конфликтных ситуаций в ГК РФ закреплен общий принцип «старшинства» прав на средства индивидуализации. Так, статья 1252 ГК РФ определяет, что если различные средства индивидуализации (фирменное наименование, товарный знак, знак обслуживания, коммерческое обозначение) оказываются тождественными или сходными до степени смешения и в результате такого тождества или сходства могут быть введены в заблуждение потребители и (или) контрагенты, преимущество имеет средство индивидуализации, исключительное право на которое возникло ранее. Обладатель такого исключительного права может требовать признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку (знаку обслуживания) либо полного или частичного запрета на использование фирменного наименования или коммерческого обозначения.

Положения указанной статьи устанавливают общие для всех объектов интеллектуальной собственности гражданско-правовые способы их защиты, которые имеют как восстановительный, так и пресекающий характер, и включают в себя восстановление положения, существовавшего

до нарушения исключительного права, признание исключительного права, возмещение убытков, взыскание компенсации за нарушение исключительного права, публикацию решения суда о допущенном нарушении, изъятие из оборота и уничтожение по решению суда контрафактных товаров, пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, полный или частичный запрет на использование фирменного наименования или коммерческого обозначения, признание недействительным предоставления правовой охраны средству индивидуализации, ликвидацию юридического лица, допустившего неоднократное нарушение исключительных прав.

Кроме того, согласно пункта 4 части 1 статьи 14 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее - Закон «О защите конкуренции») не допускается недобросовестная конкуренция, в том числе:

— продажа, обмен или иное введение в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ, услуг.

За нарушение указанной статьи предусмотрена административная ответственность по части 2 статьи 14.33. КоАП РФ.

Таким образом, российское законодательство предоставляет достаточно широкий спектр правовых возможностей для защиты интересов правообладателей, в том числе и фирменных наименований, некоторые из которых направлены исключительно на восстановление нарушенных прав, другие имеют по своей правовой сущности свойство штрафных санкций.

Возложенные государством на антимонопольный орган полномочия, в рамках существующего административного порядка пресечения актов недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав, позволяют одновременно защитить интересы определенного хозяйствующего субъекта-правообладателя и публичные интересы на обеспечение честной и справедливой конкуренции.

Выявление и пресечение недобросовестной конкуренции являются той задачей, которая требует проведения серьезного расследования, сбора доказательств, в том числе путем их истребования у органов государственной власти, хозяйствующих субъектов или иных лиц, которые каким-либо образом причастны к тем правоотношениям, которые возникли в связи с совершением недобросовестных конкурентных действий, что требует наличия эффективной и оперативной системы, начиненной таким правовым механизмом, который позволит данные задачи выполнять.

На суды не могут быть возложены задачи по проведению расследований, направленных на выявление правонарушений, функции по проведению контрольных, проверочных мероприятий, то есть те функции, которые возложены на федеральные органы исполнительной власти.

Представляется, что весьма эффективным способом правовой защиты в случае неправомерного использования исключительных прав, в том числе и на фирменное наименование, является использование в совокупности и последовательно административного и гражданско-правового способов защиты.

Так, задача по выявлению и пресечению недобросовестной конкуренции как таковой и применение соответствующих административно-правовых средств воздействия и ответственности могут быть осуществлены Федеральной антимонопольной службой и ее территориальными органами в соответствии с законодательством о защите конкуренции.

Соответственно, после установления антимонопольным органом факта совершения хозяйствующим субъектом акта недобросовестной конкуренции, его пресечения, выдачи предписания в установленных Законом о защите конкуренции случаях, привлечения правонарушителя к административной ответственности заявитель может использовать гражданско-правовой механизм защиты путем подачи иска в арбитражный суд о выплате правонарушителем компенсации или возмещении ущерба.

В данном случае заявителю уже не потребуются доказывать факт совершения акта недобросовестной конкуренции,

поскольку судом будет принято во внимание вступившее в силу решение антимонопольного органа.

Такое последовательное применение способов защиты от недобросовестной конкуренции прямо следует из части 3 статьи 37 Закона о защите конкуренции, в которой указывается, что лица, права и интересы которых нарушены в результате нарушения антимонопольного законодательства, вправе обратиться в установленном порядке в арбитражный суд, в том числе с исками о возмещении убытков.

Таким образом, наличие в законодательстве Российской Федерации правовых механизмов гражданско-правовой и административно-правовой защиты от недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав влечет необходимость их совокупного задействования, поскольку слаженное функционирование судебной системы и органов контроля и надзора может являться залогом эффективной защиты конкуренции, всесторонней охраны прав и законных интересов хозяйствующих субъектов-правообладателей от любых проявлений недобросовестности со стороны конкурентов.

Д. А. Кузнецова

Государственный инспектор отдела контроля недобросовестной конкуренции
и рекламы Управления Федеральной антимонопольной службы
по Волгоградской области

ДОБРОСОВЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ ОЦЕНКИ КОМИССИИ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ОРГАНА

Законодательством предусмотрено, что любой хозяйствующий субъект вправе обратиться в антимонопольный орган в случае необоснованного ограничения конкуренции¹. Именно там происходит оценка деловых практик и государственная

реакция на нарушение добросовестности: признание юридического лица нарушившим закон «О защите конкуренции», вынесение предупреждений и предписаний, размещение информации об этом на официальном сайте, административные штрафы. Антимонопольное законодательство дает определение основных понятий и описание признаков недобросовестной конкуренции, устанавливает регламент и процедуру рассмотрения заявлений, материалов и принятия решений о наличии или отсутствии недобросовестной конкуренции в действиях хозяйствующих субъектов. Закон является основным законодательным актом, на основании которого антимонопольный орган осуществляет защиту от недобросовестной конкуренции. Процедура пресечения недобросовестной конкуренции определяется отдельными положениями закона, а также регламентами.

Но для того чтобы разобраться в том, как работает антимонопольная служба, как она выполняет свою функцию необходимо исследовать не только нормативную модель (то есть установленные законом и регламентами понятия и процедуры), но и практическую работу. Для этого необходимо проанализировать, кто и в каких случаях обращается в антимонопольный орган, а так же какие решения и в каких случаях он (антимонопольный орган) принимает, как формируется внутреннее убеждение членов Комиссии антимонопольного органа по конкретному рассматриваемому делу. Пристальный взгляд на практику не предполагает, что мы выносим за скобки текст закона и другие нормативные установки. Но необходимо учитывать, многообразие факторов, которые влияют на систему территориальных органов федеральной антимонопольной службы, также как и на все другие системы государственных органов. Такой подход позволит дополнить анализ действующего законодательства и принимаемых на его основе решений. Члены Комиссии антимонопольного органа принимают решения в соответствии с нормами законодательства на основании внутреннего убеждения. С этой точки зрения, не отрицая следование таким принципам как

беспристрастность, независимость, полное и всестороннее исследование обстоятельств дела, следует согласиться с В. В. Волковым о том, что на принятие решения членами комиссии антимонопольного органа, как и на судей, влияет множество экстралегальных факторов, которые переплетаются с легальными.² Члены комиссии имеют пол, предшествующий опыт, включены в профессиональное сообщество, профессионально взаимодействуют с прокуратурой, судами, министерствами, другими государственными органами. На принятие решения влияет личный опыт в покупке квартиры, опыт вождения машины, опыт покупок в магазинах. Члены комиссии руководствуются текстом закона, принимают во внимание разъяснения ВАС РФ, письма центрального аппарата ФАС, знакомятся с практикой других управлений ФАС и судебной практикой по аналогичным делам, однако во всех этих нормативных и нормативно-правовых актах не содержится (и конечно не может содержаться) решение по каждому конкретному делу. Особенно ярко это проявляется в делах связанных с недобросовестной конкуренцией. Самый интересный и сложный вопрос — это оценка комиссией добросовестности действий. Термины «добропорядочность», «разумность», «справедливость» действующим законодательством не определены и предполагается их понимание в соответствии с общими значениями русского языка и бытового понимания. В каждом конкретном случае члены Комиссии принимают решения по внутреннему убеждению из собственных представлений «как правильно», «как справедливо», «насколько соответствует обычаем деловых практик». В тексте решения отображаются факты, которые на взгляд Комиссии подтверждают добропорядочность, справедливость действий конкурента или наоборот.

Важно понять, о чем именно идет речь, когда мы говорим о добросовестных или недобросовестных действиях конкурентов на рынке. Из определения недобросовестной конкуренции понятию «недобросовестный» противопоставляются понятия «добропорядочный», «разумный» «справедливый».

В то же время, антоним слова «недобросовестный» — «добросовестный». Термин «добропорядочный» — это скорее категория нравственной оценки — порядочный, честный, соблюдающий этические принципы, «добросовестный» же имеет долгую историю в юридической науке. Поэтому применительно к антимонопольному праву целесообразнее анализировать термин «добросовестный». Взаимодействие в правовом поле предполагает не только формальное равенство участников (как общеправовой принцип конкурентных отношений), но и наличие устойчивого внутреннего убеждения о самоценности другого лица. Профессор Дождев Д. В. в своей работе «Добросовестность (*bona fides*) как правовой принцип» отмечает, что «признание воли другого, уважение к автономии контрагента оказывается одной из форм выражения собственной автономии, заявления о социальной ценности собственной личности. Соблюдая установленные правила поведения, субъект обеспечивает действенность своего волеизъявления, защиту и прочность той или иной созданной им социальной связи».³ Принцип взаимного признания контрагентами друг друга предусматривает отказ от непосредственного воздействия на волю контрагента, от поиска личного преобладания над ним, от попытки навязать другому собственное видение отношения, поставить свои интересы выше интересов других.

Анализ правового понятия будет не полным без учета его общеупотребимого значения. Толковые словари дают следующее определение «добросовестный» — честно выполняющий свои обязанности⁴. Следует разобраться, о каких обязанностях идет речь применительно к антимонопольному законодательству. В работе «Закон и политика» Брюно Леони рассуждая о смысле понятия «быть обязанным по закону» вводит понятие законных и незаконных притязаний.⁵ Понятие «я должен» в юридическом смысле можно объяснить только редуцировав его к (юридическому) притязанию со стороны другого индивида — пишет Брюно Леони. «Когда я говорю «я обязан», это может значить три различные вещи:

а) мой моральный долг состоит в том, чтобы...; б) я вынужден ... если я хочу достичь желаемого результата; в) кто-то хочет, в соответствии законом, обязать меня сделать...»⁶. Мы можем наблюдать это в требовании о соблюдении добросовестной конкуренции: значение «а)» намекает нам на справедливость, значение, «б)» предполагает разумность, центральным компонентом которой является целесообразность. И значение «в)» проявляет нам самостоятельный компонент «добросовестности». В чем он заключается?

Рассуждая о законности притязаний, Леони приводит пример с грабителем и кредитором: грабитель, поджидающий человека в темной подворотне — претендует на его деньги и кредитор претендует на деньги человека, если он должен вернуть ему какую-то сумму. Принципиальная разница между двумя этими притязаниями заключается в том, что Притязание грабителя или должника, не отдающего деньги, противоречит «обычным» притязаниям, принятым в обществе, то есть такое, какое они сами предъявили бы всем остальным потенциальным грабителям или должникам. Это особое притязание грабителя «статистически маловероятно в данном обществе» (маловероятно, что каждый прохожий, увидев одинокого человека в подворотне, станет грабителем, или что абсолютное большинство должников взяв в долг не собираются его возвращать вообще или без специального государственного принуждения). Притязание грабителя подразумевает, что в нормальных обстоятельствах его притязание не было бы удовлетворено жертвой (на светлой многолюдной улице, к примеру). Таким образом «законными» притязаниями являются те, которые имеют высокую вероятность быть удовлетворенными соответствующими людьми в данный момент времени, при том что в каждом конкретном случае причины по которым они удовлетворяются могут быть различны: как этические и моральные, так и в связи с целесообразностью. А «незаконные» — имеют низкую вероятность быть удовлетворенными или вообще не имеют её. Таким образом, эта теория тесно связана с прогнозами.

Традиционно практикующие юристы исходят из понятия нормы закона, придерживаясь точки зрения, что притязания законны если они закреплены (описаны) в законе. В свою очередь сами нормы закона могут считаться законными или незаконными в зависимости от того, считают ли их юристы и иные участники процесса применимыми в конкретном случае или нет. Этот подход приводит к трудностям, возникающим на практике, когда закон требует выполнения определенных действий, но не расшифровывает в чем они должны заключаться. Яркий пример: требование добросовестных действий от конкурирующих хозяйствующих субъектов, притом, что признавать ли действия контрагента недобросовестными или приемлемыми не могут даже договориться между собой ФАС и Арбитражный суд.

«Законодательство можно рассматривать как более или менее успешную попытку описать статистически законные притязания, а не только «предписать» их. Законодатели могут описывать: а) то, что они считают реальными, статистически законными нормами общества; или б) те реальные статистически законные нормы этого общества, которые как они считают, возникнут в результате их законодательных инициатив и использования имеющихся в их распоряжении средств (а именно, психологического или физического принуждения) с целью обеспечить этот результат)»⁷.

Следуя этой логике, мы можем предположить, что требование добросовестного поведения в конкурентных отношениях выражает притязания конкурентов на поведение другого конкурента, их обоснованные ожидания о том, что, к примеру, другой хозяйствующий субъект не будет пользоваться чужим товарным знаком, и тому подобное. А в случае возникновения конфликта — ожидания и правоприменителей.

Таким образом, добросовестное поведение — это такое поведение, которое соответствует ожиданиям участников конкурентных отношений (или должно соответствовать по мнению контрольно-надзорного органа). Признаки этого мы так же видим в регламентах антимонопольной службы: дела по

признакам нарушения недобросовестной конкуренции возбуждаются только по письменному заявлению участников рынка, непосредственных конкурентов того субъекта в действиях, которого содержатся признаки. Одни из существенных обстоятельств, если не назвать их основными, которые выясняет комиссия антимонопольного органа, это: являются ли стороны конкурентами (т.е. вправе ли они предъявлять притязания), оценка ими действий конкурентов как недобросовестными (т.е. «предъявляются ли притязания» фактически) и являются ли притязания «незаконными» (т.е. можно ли признать что действия совершенные конкурентом не ожидаются участниками рынка как обычные, вероятные в нормальных обстоятельствах).

В Волгоградском УФАС рассматривалось несколько дел по признакам нарушения подп. 4 ч. 1 ст. 14 ФЗ «О защите конкуренции» по заявлениям ОАО «Саратовнефтепродукт»⁸. ОАО «Саратовнефтепродукт» обращалось в антимонопольный орган с жалобами на действия хозяйствующих субъектов Волгоградской области, которые незаконно использовали на автозаправочных станциях (АЗС) товарные знаки, принадлежащие ОАО «ТНК-ВР-Холдинг». АЗС ответчиков оформлялись с использованием фирменного стиля и товарных знаков заявителя на основании субсублицензионных договоров в рамках джобберской программы ТНК на территории Волгоградской области. Однако, Маркетинговым комитетом по джобберскому офферу ТНК было принято решение о прекращении договорных отношений с джобберами в связи с изменением стратегии развития бренда «ТНК» на региональных рынках, о чем все участники уведомлялись в надлежащем порядке. Ответчики, не затрачивая собственных средств на разработку и продвижение бренда, пользовались плодами деятельности другого лица. Получая при этом преимущество, заключающееся в снижении издержек на разработку и продвижение аналогичного бренда. При этом привлекая к себе потребителей, что могло нанести потенциальный вред правообладателю бренда.

Однако в двух случаях, рассмотрев сходные обстоятельства дела, Комиссия Волгоградского УФАС России не нашла

в действиях конкурентов таких квалифицирующих признаков недобросовестной конкуренции, как нарушение требований добропорядочности, разумности и справедливости, которое направлено на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности. 9 ООО «Аркон-Про» и ООО «ПО «Исток» так же фактически незаконно использовали товарные знаки ТНК, однако Комиссия учла следующие обстоятельства: ООО «Аркон-Про» и ООО «ПО «Исток» связывали длительные партнерские отношения с собственником товарных знаков ТНК (в 2008 г. ООО «Аркон-Про» объявлена благодарностью генерального директора ОАО «Саратовнефтепродукт» за активное участие в проекте по защите товарного знака «ТНК» в регионе Волгоград). Переоформление АЗС в соответствии с Альбомом стандартов внешнего оформления осуществлялось ответчиками самостоятельно потребовало крупных расходов от участников джобберской программы. Со стороны ООО «Аркон-Про», ООО «ПО «Исток» в адрес ОАО «Саратовнефтепродукт» направлялись письма с просьбой продлить срок использования товарных знаков, принадлежащих ОАО «ТНК-ВР Холдинг». Представители Ответчиков обратили внимание Комиссии на то, что в целом джобберская программа ТНК была рассчитана на срок до пяти лет, и, исходя из переговоров с представителями ОАО «Саратовнефтепродукт», компании рассчитывали на долгосрочные (более трех лет) отношения в рамках данной программы (продлилась программа два года). Целями программы, кроме прочего, являлись: — установить долгосрочные отношения с крупными розничными сетями в стратегически важных регионах России (в том числе в Волгоградской области); усилить, — улучшить умения и навыки джобберов; — привести внешний вид джобберских АЗК в соответствие с новыми визуальными стандартами; повысить уровень обслуживания клиентов.

ООО «Аркон-Про» направило в адрес ОАО «Саратовнефтепродукт» письмо, которым сообщило, что в связи с расторжением договора субсублицензиат заключил договор со строительной организацией на проведение работ по демонтажу

конструкций с устранением обозначений, сходных с товарным знаком «ТНК». Однако в связи с климатическими условиями ООО «Аркон-Про» просило продлить срок ребрендинга, обращая внимание также на то обстоятельство, что ранее Общество уже обратилось в адрес ОАО «Саратовнефтепродукт» с просьбой продлить срок использования товарных знаков «ТНК», рассчитывая на продолжение сотрудничества. ООО «ПО «Исток» так же направило обращение, которым компания сообщила о принятом решении о ребрендинге АЗС под собственный стиль в связи с завершением джобберской программы «ТНК ВР» на территории Волгоградской области, при этом ООО «ПО «Исток» гарантировало неукоснительное соблюдение всех стандартов ТНК в течение всего периода времени проведения монтажных работ по ребрендингу. Так же, все представители от Ответчиков на заседании Комиссии подтвердили Комиссии, что представителями от Заявителя велись переговоры о покупке (или сдаче в аренду) АЗС на территории Волгоградской области, в том числе и в отношении АЗС, принадлежащих Ответчикам в настоящем деле. ОАО «Саратовнефтепродукт» указало, что давно и постоянно тесно сотрудничало с ООО «Аркон-Про» по разным направлениям деятельности. Основным из них является взаимодействие двух компаний в рамках договоров о поставках и хранении нефтепродуктов, в ходе исполнения которых ООО «Аркон-Про» зарекомендовало себя в качестве эффективного и добросовестного контрагента. Заявителю не известны факты причинения убытков иным участникам рынка розничной реализации нефтепродуктов, жалобы, претензии от хозяйствующих субъектов-конкурентов по отношению к Заявителю или к ООО «Аркон-Про» не поступали. Ввиду изложенных обстоятельств Заявитель, выражая надежду на дальнейшее сотрудничество с ООО «Аркон-Про», счел возможным отказаться от претензий, предъявленных к ООО «Аркон-Про» в связи с использованием товарных знаков компании «ТНК» после окончания срока действия Сублицензионного договора. Сведениями о поступлении жалоб

потребителей нефтепродуктов, реализуемых на автозаправочных станциях ООО «По Исток» ОАО «Саратовнефтепродукт» также не обладало. Переговоров относительно продления сроков использования товарных знаков с указанной компанией Заявителем также не ведется. При этом в отношении к ООО «ПО «Исток», действовавшего в аналогичной (по отношению к ООО «Аркон-Про») ситуации, но осуществившему дебрэндинг к моменту рассмотрения дела, Заявителем подтверждены свои первоначальные требования. Учитывая условия джобберской программы, поведение контрагентов ОАО «Саратовнефтепродукт» (их ожидания от данного сотрудничества, а так же предпринятые действия по дебрэндингу) Комиссия расценила действия ООО «Аркон-Про» и ПО «Исток» как добросовестные.

Таким образом, проанализировав законодательство и практику антимонопольного органа, можно вывести следующее определение: Добросовестные действия — это такие действия, которые отвечают законным притязаниям участников процесса конкуренции. Это наиболее вероятные и поощряемые в данном обществе в данное время, оцениваемые с точки зрения нравственности как справедливые и с точки зрения целесообразности как разумные.

Правовой характер добросовестности выражается как в соответствии действий хозяйствующего субъекта действующим нормам права, так и в адекватности реакций к конкретным обстоятельствам, сложившимся на рынке.

¹ Согласно п.13.1–13.3 Регламента ФАС в антимонопольном органе рассматриваются индивидуальные и коллективные предложения, заявления и жалобы граждан и организаций (далее — обращения граждан и организаций) по вопросам, входящим в компетенцию ФАС России, поступающие в ФАС России в письменной форме, в форме электронных сообщений либо представленные устно при личном обращении к должностному лицу ФАС России во время приема граждан и организаций. Поступившие в ФАС России письменные обращения граждан и организаций направляются Управлением, ответственным за делопроизводство ФАС России, в управления для рассмотрения и подготовки проекта.

² Как судьи принимают решения: эмпирические исследования права / Под ред. В.В. Волкова. — М.: Статут, 2012. — стр.5. — (Серия «EXTRA JUS»).

³ *Дождев Д.В.* Добросовестность (bona fides) как правовой принцип/ Политико-правовые ценности и современность / под. ред. В.С. Нерсисянца. — М., 2000.

⁴ См. например, *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. — 4-е изд., М., 1997. — 944 с.

⁵ *Леони Брюно* Свобода и Закон; пер. с англ. В Кошкина под ред. А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2008, 308 с. — Стр. 222

⁶ *Леони Брюно* Свобода и Закон; пер. с англ. В Кошкина под ред. А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2008, 308 с. — Стр. 221

⁷ Леони Брюно Свобода и Закон; пер. с англ. В Кошкина под ред. А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2008, 308 с. — Стр. 228

⁸ Дела Волгоградского УФАС № 12-01-14-02/682, № 12-01-14-02/683, № 12-01-14-02/710, № 13-01-14-02/465
Решение по делу № 12-01-14-02/682, сайт Волгоградского УФАС России <http://volgograd.fas.gov.ru/solution/9268>

⁹ Решение по делу № 12-01-14-02/682, сайт Волгоградского УФАС России <http://volgograd.fas.gov.ru/solution/9268>

Д. И. Елканова

Аспирант кафедры административного и муниципального права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В РЕКЛАМЕ

В настоящее время рынок рекламы оказывает все большее влияние на развитие экономических отношений на рынках отдельных товаров.

По мере их насыщения обращение к рекламе становится для производителей все более жесткой необходимостью. Для того, чтобы выделить свою продукцию из ряда однородных товаров конкурентов и привлечь внимание потребителей именно к своей продукции производители товаров тратят значительную часть финансовых средств на разработку и проведение рекламной кампании, которая в случае провала может повлиять на резкое отторжение рекламируемой продукции покупателями. Кроме того, проводимая рекламная стратегия выступает как один из способов ведения конкурентной борьбы между производителями однородных товаров.

Вместе с тем там, где есть конкуренция, всегда может иметь место и недобросовестная конкуренция, распространение которой законодательством Российской Федерации не допускается¹.

Российское антимонопольное законодательство рассматривает недобросовестную конкуренцию как одну из форм

деятельности, оказывающую негативное влияние на конкуренцию и направленную на ограничение конкуренции на товарных рынках. В настоящее время в Российской Федерации сформирована правовая база, позволяющая антимонопольным органам пресекать недобросовестную конкуренцию в административной порядке.

Важнейшим источником правового регулирования конкурентных отношений является Конституция Российской Федерации². Статья 34 Конституции Российской Федерации, с одной стороны, закрепляет право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, с другой стороны, устанавливает запрет экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

Отдельные отношения, возникающие между конкурирующими хозяйствующими субъектами, регулирует Гражданский кодекс Российской Федерации³.

Правовыми основаниями для защиты антимонопольными органами интересов хозяйствующих субъектов от недобросовестной конкуренции являются положения п. 2 ст. 11 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴, закрепляющие осуществление защиты гражданских прав в административном порядке лишь в случаях, предусмотренных законом, а также положения закона, относящие пресечение недобросовестной конкуренции к задачам антимонопольных органов и предоставляющие антимонопольным органам соответствующие полномочия⁵.

Организационные и правовые основы защиты от недобросовестной конкуренции определены в Федеральном законе «О защите конкуренции»⁶.

В соответствии с п. 4 ст. 9 настоящего закона под недобросовестной конкуренцией понимаются любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат законодательству

Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации.

Статья 14 Федерального закона «О защите конкуренции» закрепляет следующие формы недобросовестной конкуренции: распространение ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту либо нанести ущерб его деловой репутации; введение в заблуждение в отношении характера, способа и места производства, потребительских свойств, качества и количества товара или в отношении его производителей; некорректное сравнение хозяйствующим субъектом производимых или реализуемых им товаров с товарами, производимыми или реализуемыми другими хозяйствующими субъектами; продажа, обмен или иное введение в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ, услуг; незаконное получение, использование, разглашение информации, составляющей коммерческую, служебную или иную охраняемую законом тайну.

Если же эти формы проявляются в рекламе, то она является актом недобросовестной конкуренции. В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О рекламе»⁷ под рекламой понимается информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Реклама должна быть добросовестной и достоверной. Недобросовестная и недостоверная реклама не допускаются. Часть 2 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» содержит четыре формы недобросовестной рекламы. Пункт 4

части 2 настоящего закона относит к четвертой форме недобросовестной рекламы рекламу, которая является актом недобросовестной конкуренции в соответствии с антимонопольным законодательством.

Целями правового регулирования законодательства Российской Федерации о рекламе являются, в том числе развитие рынков товаров, работ и услуг на основе соблюдения принципов добросовестной конкуренции, обеспечение в Российской Федерации единства экономического пространства, реализация права потребителей на получение добросовестной и достоверной рекламы.

В развитии бизнеса всегда есть два пути, по которым можно следовать: длинный и надёжный или короткий и опасный. Первый путь — естественный, который заключается в постепенном повышении качества, оптимизации производства и построении устойчивых положительных отношений с потребителем. Это очень долгий и сложный путь, требующий вложения сил и самосовершенствования, нацеленный на получение прибыли в долгосрочной перспективе.

В отличие от него имеется и альтернативный способ. Это агрессивное продвижение своих товаров и услуг, использование откровенно хитрых и порой жестоких уловок. Этот способ нацелен на мгновенное получение быстрой прибыли за счёт игры не по правилам. Однако желание быстро выделиться среди конкурентов и быть замеченным потребителями зачастую вынуждает физических и юридических лиц прибегать к нарушению закона и использовать недобросовестную рекламу как метод продвижения товаров или услуг.

Антимонопольное законодательство запрещает недобросовестную конкуренцию. В случаях, когда признаки недобросовестной конкуренции проявляются в рекламе, пункт 4 части 2 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» действует в системной связи с положениями статьи 14 Федерального закона «О защите конкуренции» и квалифицирует действия рекламодателя как недобросовестную конкуренцию, а рекламу как акт недобросовестной конкуренции. Реклама

рассматривается как акт недобросовестной конкуренции при условии, что ее распространение способно нести в себе угрозу наступления неблагоприятных последствий для имущественной и (или) неимущественной сферы конкурента⁸. Рассмотрим некоторые примеры из судебной практики.

Дело об оспаривании ЗАО «Транспорт для бизнеса» решения и предписания Свердловского УФАС России о признании Общества нарушившим п. 1 ч. 3 ст. 5 и п. 4 ч. 2 ст. 5 Федерального закона «О рекламе».

Между ОАО «Аэропорт Кольцово» и ЗАО «Транспорт для бизнеса» заключен договор возмездного оказания услуг по итогам проведенного ОАО «Аэропорт Кольцово» тендера для поиска компании как официального перевозчика аэропорта по оказанию услуг по пассажирским перевозкам.

Согласно указанному договору ЗАО «Транспорт для бизнеса» является официальным перевозчиком ОАО «Аэропорт Кольцово», который осуществляет перевозку частных лиц, при этом используется привокзальная площадь, а также установлена стойка диспетчера в здании аэровокзала. Со своей стороны ОАО «Аэропорт Кольцово» обязалось распространять информацию об официальном перевозчике аэропорта в виде звуковой рекламы, текст которой был согласован с ЗАО «Транспорт для бизнеса» письмом.

В адрес Свердловского УФАС России поступили заявления ООО «Транспортная компания «Боинг», ИП Гасымова Э. Г., ИП Галимзянова С. Н. и Носенко А. И. с жалобой на распространение в здании аэровокзала, а также салонах самолетов компаний «Уральские авиалинии», «Владивосток Авиа» и «Скайэкспресс» звуковой рекламы ненадлежащего характера.

В связи с обращениями указанных лиц управлением в отношении ОАО «Уральские авиалинии», ОАО «Аэропорт Кольцово», и впоследствии привлеченных ЗАО «Транспорт для бизнеса» и ООО «Такси Город» возбуждено дело по признакам нарушения законодательства о рекламе.

По результатам рассмотрения дела управлением принято решение, согласно которому реклама «Такси Город»,

распространяемая в здании аэропорта «Кольцово», признана ненадлежащей как нарушающая п. 1 ч. 3 ст. 5 и п. 4 ч. 2 ст. 5 Закона о рекламе, поскольку данная реклама содержит недостоверные сведения о преимуществах услуг «Такси Город» перед услугами иных частных перевозчиков, в том числе юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, так как статус официального перевозчика не дает каких-либо преимуществ (гарантия безопасности и честности), противоречит обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, справедливости и может нанести убытки конкурентам.

На основании принятого решения Свердловским УФАС России ЗАО «Транспорт для бизнеса» выдано предписание, обязывающее Общество прекратить нарушение законодательства Российской Федерации о рекламе путем исключения из текста рекламы, распространяемой на территории аэропорта «Кольцово» ЗАО «Транспорт для бизнеса», фразы: «Не пользуйтесь услугами частных лиц!» либо иным образом», и представить в Управление доказательства исполнения выданного предписания.

Полагая, что названные решения и предписания антимонопольного органа являются незаконными, нарушающими его права и охраняемые законом интересы, ЗАО «Транспорт для бизнеса» обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании их недействительными.

Суды первой и апелляционной инстанций, сделав вывод о том, что спорная реклама правомерно признана антимонопольным органом как ненадлежащая, оспариваемые акты соответствуют требованиям действующего законодательства, отказали в удовлетворении заявленных требований.

Выводы судов основаны на материалах дела и нормах действующего законодательства.

Суды обеих инстанций, оценив совокупность представленных доказательств, пришли к выводу о том, что в вышеназванной рекламе распространена информация, содержащая негативную оценку действующим на рынке услуг по перевозке

пассажиров и грузов частным перевозчикам, тем самым создано положительное мнение о деятельности общества на указанном рынке в целях привлечения новых клиентов.

Текст указанной рекламы, содержащий призыв не пользоваться услугами частных лиц, отталкивает потребителя от пользования услугами иных частных организаций, оказывающих услуги перевозки, в связи с этим, данным организациям могут быть причинены убытки в виде упущенной выгоды и нанесен вред их деловой репутации.

Суды сделали обоснованный вывод, что распространяемая в здании аэропорта «Кольцово» реклама содержит признаки противопоставления официального перевозчика аэропорта — ЗАО «Транспорт для бизнеса», использующего товарный знак «Такси Город», иным частным лицам, то есть является ненадлежащей как содержащая недостоверные сведения о преимуществах услуг «Такси Город» перед услугами иных частных перевозчиков, в том числе юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, так как статус официального перевозчика не дает каких-либо преимуществ (гарантия безопасности и честности), противоречит обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, справедливости и может нанести убытки конкурентам.

С учетом вышеизложенного, суды первой и апелляционной инстанций правомерно отказали обществу в удовлетворении заявленных им требований.

Таким образом, решение Арбитражного суда Свердловской области от 07.05.2010 по делу № А60-7117/2010-С9 оставлено без изменения постановлением 17 ААС от 07.07.2010 г., постановлением ФАС Уральского округа от 14 октября 2010 г. № Ф-09-8346/10-С1 по делу № А60-7117/2010-С9.

Или, например, дело о признании ООО «Тверь-Авто» недействительным решения Тверского УФАС России о нарушении Обществом пунктов 1 и 4 части 2 статьи 5 Федерального закона «О рекламе».

Поводом для возбуждения Тверским УФАС России дела по признакам нарушения законодательства Российской

Федерации о рекламе стало поступившая в управление информация о размещении рекламного щита, содержавшего следующую надпись: «ASTRA и никаких FOKУCOB». Указанная реклама размещена на основании договора возмездного оказания услуг, заключенного ООО «Тверь — Авто» с ООО «Практика».

В ходе контрольных мероприятий Управление установило, что спорная реклама содержит некорректные сравнения рекламируемого товара (автомобилей марки «Опель» модели Astra) с находящимися в обороте товарами (автомобилями марки «Форд» модели Focus), которые произведены другими изготовителями или реализуются другими хозяйствующими субъектами.

Решением Управления названная реклама признана ненадлежащей, а Общество как рекламодатель нарушившим пункты 1 и 4 части 2 статьи 5 Закона «О рекламе».

Общество оспорило решение Управления в судебном порядке.

Суды первой и апелляционной инстанций в удовлетворении требования отказали, сделав вывод о соответствии оспариваемого ненормативного акта положениям действующего законодательства.

Кассационная инстанция, изучив материалы дела и проверив правильность применения судами норм материального и процессуального права, считает, что кассационная жалоба не подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Согласно пункту 1 статьи 3 Федерального закона «О рекламе» под рекламой понимается информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Реклама должна быть добросовестной и достоверной. Недобросовестная реклама и недостоверная реклама не допускаются (часть 1 статьи 5 Федерального закона «О рекламе»).

Согласно части 2 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» недобросовестной признается реклама, которая содержит некорректные сравнения рекламируемого товара с находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами (пункт 1), является актом недобросовестной конкуренции в соответствии с антимонопольным законодательством (пункт 4).

Суд кассационной инстанции посчитала обоснованными выводы судов о том, что содержащееся в рекламе выражение «ASTRA и никаких ФОКУСОВ» содержит сравнение автомобилей «Опель-Астра» с автомобилями «Форд-Фокус» и акцентирует превосходство автомобиля «Опель-Астра». Следовательно, реклама направлена на получение преимущества при осуществлении предпринимательской деятельности, поскольку в ней указано на превосходство товаров без указания критериев первенства объектов рекламирования. В результате использования в рекламе такой сравнительной характеристики рекламируемый товар воспринимается потребителями как первый по всем возможным показателям, а реклама может ввести их в заблуждение относительно потребительских свойств и качеств товаров при их выборе.

Законны и обоснованны выводы судебных инстанций о соответствии оспариваемого решения Управления вышеназванным нормативным положениям, поскольку при вынесении оспариваемого решения антимонопольный орган оценил спорную рекламу с позиции обычного потребителя, не обладающего специальными знаниями, и установил, что при просмотре рекламы объективно возникает ассоциация, связанная со сравнением автомобилей двух различных марок.

Таким образом, решение Арбитражного суда Тверской области от 22.11.2012 оставлено без изменения постановлением 14 ААС от 20.03.2013 по делу № А66-7255/2012 и постановлением ФАС Северо-Западного округа от 08.08.2013 по делу № А66-7255/2012.

Рассмотренные примеры еще раз доказывают тот факт, что прежде чем вести производителям товаров, работ и

услуг нечестную игру за умножение своего капитала и привлечения внимания потребителей, следует задуматься о возможных последствиях и потерях как материальных, так и нематериальных.

¹ Лапшина Д. Ненадлежащая реклама и недобросовестная конкуренция / Д. Лапшина // Конкуренция и право. — 2011. — № 4. — С. 48–55

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (ред. от 30.12.2008 г.) // Российская газета. — 2009. — 21 января.

³ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // СЗ РФ. — 2006. — № 52 (1 ч.).

⁴ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СЗ РФ. — 1994. — 238–239.

⁵ Методические рекомендации ФАС России по применению статьи 14 Федерального закона от 26.07.2006 №135-ФЗ «О защите конкуренции» № АК/26618 от 09.06.2011 г.

⁶ О защите конкуренции: федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 04.06.2014) // Российская газета. — 2006. — 27 июля.

⁷ О рекламе: федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 21.07.2014) // СЗ РФ. — 2006. № 12.

⁸ Постатейный комментарий к Федеральному закону «О рекламе» / Д.С. Бадалов [и др.]. — Статут, 2012 // Специально для системы КонсультантПлюс.

А. И. Иванов

Аспирант кафедры международного частного права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

ПИРИНГОВЫЕ СЕТИ И ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН ОТ 02.07.2013 № 187-ФЗ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ И ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ»

Существующие ныне компьютерные программы и Интернет позволяют пользователям без разрешения правообладателя создавать и распространять копии фонограмм, на которых также могут быть записи исполнений артистов-исполнителей, постановки режиссеров-постановщиков спектаклей; сообщения передач эфирного или кабельного

вещания. Теме не менее «эйфория бесплатности»¹ прошла. Правообладатели начинают пристально смотреть на Интернет, как на явление, причиняющее значительные убытки и подрывающие их «несетевую», «оффлайновую» деятельность². Разрешить наболевший вопрос с нелегальным распространением материалов в данной сфере важно не только с точки зрения поиска компромисса между пользователями и правообладателями, но и привития правовой культуры общества.

На сегодняшний день получили свое развитие так называемые пиринговые сети, больше известные как «торренты». Как таковые не содержат самих нелегальных копий фонограмм и иных объектов интеллектуального труда. Деятельность администрации торрент-трекеров сводится лишь к упорядочиванию данных о наименовании продукта и количестве компьютеров, с которых «раздается» файл. Такие сети функционируют по принципу «скачал — дай скачать другим». Это означает, что вы загружаете файл (на котором записана фонограмма) с компьютеров других пользователей. После чего ваш компьютер становится звеном в цепи, и с него в свою очередь, другие пользователи, автоматически, загружают этот файл. С одной стороны мы имеем частное правоотношение в виртуальном пространстве — обмен, в чем-то сходный с обычным обменом, как если бы мы обменивались дисками. Однако нормы, регулирующие вопросы интеллектуальной собственности, никто не отменял. Правообладатели имеют право на вознаграждение за каждую электронную копию. Эта цепь компьютеров, работающих на основе торрент-программы uTorrent, опоясывает почти весь земной шар. Такой обмен может происходить между пользователями, являющимися гражданами разных государств. Исследователи этой проблемы подтверждают, что «в большинстве своем торрент-трекеры зарегистрированы в других государствах, где и находятся их серверы, а свою деятельность в России они осуществляют посредством трассировки через иные зарубежные государства»³. В разных странах

этот вопрос решается по разному. Испанский судья Рауль Гарсия Орехудо снял обвинения с владельца торрент-трекера по иску испанского авторского общества. «Предоставление ссылок на файлы и предоставление самих файлов — не одно и то же»⁴ — так резюмировал испанский суд. В жизни на практике применяются разные способы пресечения действий, которые могут нарушать смежные с авторскими права обладателей интеллектуального труда.

Российское законодательство выработало положения, идущие в ногу со временем, в отношении защиты нарушенных смежных прав в сети Интернет. Вступивший в силу федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях»⁵ № 187-ФЗ принятый Государственной Думой 21 июня 2013 года внес необходимые изменения в законодательство для правовой регламентации данного механизма.

Тем не менее, остаются вопросы, требующие внимания. Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» и иные действующие ныне в России правовые нормы и государственные органы не в силах каким-либо образом ограничить торрент-раздачу чужих нелегальных фильмов, телепередач и других объектов смежных прав. Несмотря на то, что этот простой в использовании принцип файлообмена уже давно применяется на практике огромным количеством граждан и способен нанести правообладателям значительные убытки, нормативной регламентации он до настоящего времени не получил. Указанные в законе ограничения распространяются только на владельцев сайтов и организации, предоставляющие хостинг-пространство, и не применимы к индивидуальным пользователям. Если распространить действие Закона на пользователей торрентов, то тогда нужно возложить на Роскомнадзор обязанность проверки каждого

компьютера в России и предоставить ему необходимое право беспрепятственного доступа в любое жилое помещение⁶. Однако, Конституция РФ и иные нормативные акты не предусматривают подобных оснований для нарушения неприкосновенности жилища. Такой же точки зрения придерживается другой исследователь М. Радайкин, отмечая, что бороться с P2P-сетями абсолютно бессмысленно, как бессмысленно пытаться остановить лавину⁷. Запретить торренты тоже сложно. Соглашаясь с мнением исследователей⁸ вопроса, можно отметить, что запрещение не только связано с социальным противодействием и юридическо-техническими сложностями, но и в большинстве случаев практически нереализуемо из-за невозможности проконтролировать соблюдения такого рода запретов. Тем не менее, привлечь к ответственности, если не рядовых пользователей, то организаторов торрент-трекеров можно. К сожалению, 187-й закон не содержит таких понятий как «пиринговые сети», «торренты», «раздачи». В статье 1253.1 части четвертой ГК РФ есть строки «...лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети, — информационный посредник — несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети...». То есть исходя из статьи 1253.1 ГК РФ, видится возможность привлечения к ответственности информационного посредника, который в данном случае является организатор торрент-трекера, предоставляющий ссылки для дальнейшего скачивания файлов. Исследователи⁹ видят возможность привлечения к ответственности организаторов торрент-трекера при наличии непосредственной вины и прямого умысла в нарушении авторских/смежных прав и получении от этого выгоды, а также в случае бездействия по восстановлению авторских/смежных прав. Привлечение к ответственности организаторов торрент-трекера, пиринговых компаний, не решает проблемы. Исследователи сходятся во мнении¹⁰,

что в России привлечение к ответственности конкретных пользователей пиринговых сетей не найдет широкого распространения. Причин этому несколько, во-первых, прежде чем подать исковое заявление о защите нарушенного авторского или смежного права, необходимо установить ответчика по данному делу, однако в условиях пиринговой сети без помощи провайдера это сделать невозможно, поскольку в сети могут быть получены только сведения об IP-адресе, или какой-либо другой информации о пользователе. Более того, в соответствии со ст. 53 закона «О связи»¹¹ сведения об абонентах и оказываемых им услугах связи, ставшие известными операторам связи в силу исполнения договора об оказании услуг связи, являются конфиденциальной информацией и подлежат защите. К таким сведениям, в том числе относятся: фамилия, имя, отчество или псевдоним абонента-гражданина; абонентские номера и другие данные, позволяющие идентифицировать абонента или его оконченное оборудование. Из чего следует, что провайдер не должен предоставлять данные о принадлежности IP-адреса конкретному лицу.

Таким образом, федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» не имеет достаточно ясной и детальной регламентации в отношении пиринговых сетей (торрентов). Пиринговые сети в силу своих специфических особенностей, по нашему мнению, являются прежде всего инструментами для обмена пользователями мультимедийной информацией. Поэтому мы можем отметить, что между пиринговыми сетями и пиратством не стоит ставить знак тождества.

¹ Терлецкий В.В. Использование произведений и фонограмм в российском сегменте сети Интернет // http://copyright.ru/ru/library/stati_knigi/avtorskoe_pravo_i_smeznyne_prava/proizvedenie_i_fonogrammi_internet/ (дата обращения 22.03.2014, 11:05)

² См. там же: Терлецкий В.В. Использование произведений и фонограмм в российском сегменте сети Интернет // http://copyright.ru/ru/library/stati_knigi/avtorskoe_pravo_i_smeznyne_prava/proizvedenie_i_fonogrammi_internet/ (дата обращения 22.03.2014, 11:05)

³ Сытенко, Г. Актуальные вопросы регулирования отношений по охране авторского и смежного права в сети Интернет. / Г. Сытенко, А. Виликов // Человек и закон. — 2011. — № 2. — С. 84–94.

⁴ Пиратство в Интернете как уникальное явление в каждом случае // http://www.copyright.ru/ru/news/main/2011/11/9/kontent_isk/ (дата обращения 22.03.2014, 11:54)

⁵ Федеральный закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ (ред. от 12.03.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // Российская газета, № 148, 10.07.2013

⁶ В. Стрельников, к.ю.н. (г. Саратов) «Антипиратский закон» против свободы Интернета: кто победит? // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права № 5 май 2014. С. 48–54

⁷ М. Радаикин, аспирант, Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС) (г. Москва). Правовое положение торрент-трекеров и их пользователей // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права, № 4, 2013. С. 46–55

⁸ Стародымов А., Пелелец М. Стоит ли запретить торренты? // http://www.tinlib.ru/komputery_i_internet/cifrovoi_zhurnal_komputerga_5/p1.php (дата обращения 18.01.2013).

⁹ М. Радаикин, аспирант, Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС) (г. Москва). Правовое положение торрент-трекеров и их пользователей // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права, № 4, 2013. С. 46–55

¹⁰ А. Е. Рохмистров, секретарь суда отдела обеспечения деятельности президиума Челябинского областного суда. Особенности защиты интеллектуальной собственности в пиринговых сетях // Право и образование, № 6 июнь 2009. С. 110–115

¹¹ Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О связи» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2014) // Российская газета, № 135, 10.07.2003

Н. А. Ермолаева

Магистр юриспруденции, преподаватель Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова

О. О. Ильгова

Студентка Института прокуратуры ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПАТЕНТНЫХ ПРАВ

В соответствии со статьей 1345 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) ¹, патентные права — это права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы. В соответствии с законодательством Российской Федерации (далее — РФ), они включают в себя исключительное право патентообладателя, право авторства, а также в определенных ГК РФ случаях право на получение патента, на вознаграждение за служебное изобретение, полезную модель и промышленный образец и иные.

Как известно, Россия с 22 августа 2012 года официально стала 156-й страной-членом Всемирной торговой

организации (далее — ВТО), вступил в силу протокол о присоединении РФ, подведший черту под 18-летним марафонским переговорным процессом². Это событие влечет для РФ необходимость выполнения специальных обязательств, в том числе в сфере защиты права интеллектуальной собственности. ВТО регламентирует охрану патентов специальным международным документом — Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (далее — Соглашение ТРИПС). Так, согласно статье 28 Соглашения ТРИПС³, владельцу патента предоставляются исключительные права, он имеет законную возможность препятствовать третьим лицам совершать без его согласия действия по созданию, использованию, продаже его продукта и иные действия нарушающие его законное патентное право. Срок предоставляемой охраны не заканчивается до истечения периода в 20 лет (статья 33 Соглашения ТРИПС).

Правила, установленные Соглашением ТРИПС, нашли свое отражение и в российском законодательстве.

Граждане РФ, создавшие изобретение, полезную модель или промышленный образец и получившие в установленном законом порядке⁴ патент имеют право на защиту своих нарушенных прав и законных интересов. Под защитой прав и законных интересов обладателей патентных прав, понимаются предусмотренные законом меры по их признанию и восстановлению, пресечению их нарушений, применению к нарушителям мер ответственности, а также механизм практической реализации этих мер.

Объем возможностей по пресечению нарушения патентного права, восстановлению положения, существовавшего до нарушения, компенсации потерь, зависит от применяемого участником имущественного оборота способа защиты нарушенного права.

ГК РФ содержит достаточное количество способов защиты нарушенных интеллектуальных прав, к числу которых относятся как те, что предусмотрены непосредственно статьей 12 ГК РФ⁵, так и иные способы, указанные в специальных нормах, регламентирующих конкретное гражданское

правоотношение. Обладателю субъективного права предоставляется возможность выбора того или иного способа защиты своего нарушенного права.

Если законодатель, регламентируя конкретное патентное правоотношение, не предусматривает конкретного способа, то владелец патента имеет возможность по своему усмотрению выбрать приемлемый способ защиты в соответствии со спецификой защищаемого права и характером правонарушения. Однако, если в законодательстве содержится указание на определенный способ защиты, он может воспользоваться не любым, а именно указанным способом.

В связи с обилием различных способов защиты нарушенных патентных прав граждан, представляется проблематичным определить природу, соотношение и основания их применения. К примеру, признание права (статья 12 ГК РФ), признание исключительного права (статья 1252 ГК РФ) и спора об установлении патентообладателя (статья 1406 ГК РФ); признание недействительным акта государственного органа и органа местного самоуправления (статья 13 ГК РФ) и требования о признании патента недействительным в отношении соответствующих патентоохраняемых объектов (статьи 1398, 1404, 1441 ГК РФ).

Если рассмотреть такой вид спора, как спор об установлении патентообладателя, то можно обнаружить следующую проблему. Такая формулировка требования или определения существа спора не совсем удачна с гражданско-правовой точки зрения, а также с точек зрения гражданского и арбитражного процесса. Возникает вопрос, к какой категории дел следует отнести указанный вид спора: к делам, рассматриваемым в порядке искового или особого производства. С одной стороны, если правоотношение спорное, то дело должно рассматриваться в исковом порядке с соответствующими процессуальными и материально-правовыми последствиями (определение сторон спора, возможности применения срока исковой давности, судебных расходов, размера госпошлины и т. д.). В этом случае речь должна идти о признании права и, соответственно, должны применяться положения статей. 1251 и 1252

или статьи 12 ГК РФ. Но тогда целесообразна ли норма об установлении патентообладателя (п. 1 ст. 1406 ГК РФ), которая и так охватывается вышеназванными статьями.

Если посмотреть другой стороны, установление патентообладателя как факта, имеющего юридическое значение, должно подчиняться иным процессуальным нормам (главы 27, 28 ГПК РФ, глава 27 АПК РФ) и иметь соответствующие материально-правовые последствия в зависимости от того, какой юридический факт устанавливается в отношении патентообладателя (принадлежность патента указанному лицу, местонахождение патентообладателя и т.п.). Пункт 1 статьи 1406 ГК РФ не разъясняет этого.

Признание патента недействительным (статьи 1398 и 1441 ГК РФ) может конкурировать с признанием интеллектуальных прав (статьи 1250, 1252 ГК РФ), признанием недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления (ст. 13 ГК РФ), а также оспариванием решения федерального органа исполнительной власти по интеллектуальной собственности на основании пункта 3 статьи 1387 ГК РФ.

Более того, такой способ защиты, как признание патента недействительным, не имеет должной аргументации. Признание патента как правоустанавливающего документа недействительным, на наш взгляд, возможно только при нарушении требований к его содержанию либо нарушения формы (реквизитов), в других случаях необходимо оспаривать решение о его выдаче либо заявлять требование о признании интеллектуальных прав. В связи с этим возникает очередной вопрос о сроках защиты интеллектуальных прав: в соответствии со статьей 1387 ГК РФ, решение о выдаче патента оспаривается в течение 2-х месяцев со дня его получения, а срок для признания патента недействительным составляет срок его действия (статьи 1398 и 1441 ГК РФ).

Сложность выбора способа защиты патентного права, в свою очередь, приводит к проблеме подведомственности указанных споров. Так, к примеру, статья 1248 ГК РФ предусматривает как общий судебный порядок защиты интеллектуальных прав, также и административный порядок защиты.

В целом, нормы по защите интеллектуальных прав отличаются несогласованностью, противоречивостью и непоследовательностью. Это относится и к приемам построения нормативного материала. Вопрос о низкой юридической технике четвертой части ГК РФ уже неоднократно поднимался в научной литературе⁶. Все это порождает отсутствие четкого и ясного механизма защиты интеллектуальных прав, имеющих неоднородную правовую природу, но объединенных общим нематериальным объектом.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // СПС «КонсультантПлюс», дата обращения: 15.11.2014.

² Информационный портал «РИА Новости» / <http://ria.ru/>

³ «Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности» (ТРИПС/TRIPS) (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) // СПС «КонсультантПлюс», дата обращения: 15.11.2014.

⁴ Порядок получения патента в РФ регламентируется § 5 главы 72 ГК РФ «Получение патента»

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 05.05.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2014) // СПС «КонсультантПлюс», дата обращения: 15.11.2014.

⁶ *Пирогова В. В.* Современная концепция охраны изобретения (Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности — ТРИПС) // СПС КонсультантПлюс. 2012.

А. В. Зубрилина

Студентка факультета магистратуры и аспирантуры РАНХиГС при президенте РФ

ЗАЩИТА ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В современном мире, в условиях конкурентного рынка такое понятие, как товарный знак занимает одно из первых мест. Именно товарный знак обеспечивает узнаваемость товаров и услуг на прилавках, что очень важно для любого предпринимателя. Роль товарного знака настолько велика, что отражается в гражданском кодексе, административном и даже уголовном.

К примеру, по состоянию на начало 2014 года, ведущим международным товарным знаком является «Coca-Cola»,

стоимость которого оценивается примерно в 70,5 миллиардов долларов США. Далее идут такие известные во всем мире товарные знаки как «IBM», «Microsoft», «Google», «General Electric», «MacDonalds», «Intel» и другие. Их стоимость также оценена в десятки миллиардов долларов США. На последнем 100-м месте расположился товарный знак «Burberry», стоимостью в 3,1 миллиардов долларов США¹.

Но несмотря на это, понятие товарного знака не так давно появилось в России и существует множество проблем с реализацией прав на товарный знак, так же как и защите.

В 2013 году был создан новый для России суд — Суд по интеллектуальным правам². Именно в этом суде рассматриваются дела, связанные с защитой прав на товарный знак. В течении года было подано 731162 дела. Из них завершенных 503835³. Судя по этим цифрам можно сделать вывод, что России давно нужен был такой суд, причем именно отдельный.

Но за год существования суда судебной практики по вопросам товарных знаков не так много. В реальности слишком сложно порой доказать «смешивание» товарного знака одного предприятия с другим. Есть случаи, когда это очевидно, но есть и дела, когда нужно производить определенные экспертизы, что слишком ново для России и является одной из основных проблем самого судебного процесса.

Не существует какого-либо регламента по проведению экспертиз. Экспертизы назначаются на усмотрение судьи. В судебной практике были случаи, когда судья приходил к выводу, что в данном деле экспертиза не нужна и принимал решение на свое усмотрение. Понятно, что в таком случае никто не отменял возможность пересмотра дела во второй инстанции, но это уже новые расходы. Возможно, было бы правильнее, если бы существовал нормативный акт, регулирующий порядок рассмотрения дел, связанных с интеллектуальными правами на товарный знак, где, в том числе, прописывалось обязательность проведения специальных экспертиз, на основании которых в том числе выносилось бы решение суда.

На сегодняшний момент в судебную практику по делам о нарушении и защите исключительных прав на товарный знак вносятся некоторые изменения и уточнения, что связано с вступлением в силу четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации, который в свою очередь заменяет закон Российской Федерации «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров», и внес довольно значительные изменения в исключительные права на товарные знаки. В этом случае очень важно проследить за тем, чтобы не возникли расхождения разных судебных инстанций, особенно это касается Верховного суда.

Согласно ст. 1477 Гражданского Кодекса РФ право на регистрацию товарного знака имеют только юридические лица и индивидуальные предприниматели. Возникает вопрос, почему частный человек не может зарегистрировать на себя товарный знак, почему именно юридическое лицо или ИП?

Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент)⁴ осуществляет контроль в том числе и за товарными знаками. Именно эта организация в случае приостановлении предпринимательской деятельности прекращает охрану товарного знака как интеллектуальной собственности, другими словами, если предприниматель в ходе торговли зарегистрировал свой товарный знак, то в случае закрытия фирмы, товарный знак остается существовать, но более не охраняется, так как опять же таки ссылаясь на Гражданский Кодекс РФ только юр лица и ИП имеют на это право.

Но это не совсем правильно, ведь товарный знак можно продать другой компании, предпринимательскую деятельность можно возобновить и вообще не противоречит ли это главе 2 Конституции России?

Существует проблема, связанная с ответственностью за незаконное использование товарного знака. Например, предложение к продаже является элементом введения товара в хозяйственный оборот. Другими словами, магазин, который осуществляет продажу товара с незаконным присвоением товарного знака так же несет ответственность. Как показывает судебная практика, вариант защиты в виде не производства

товара, а лишь его продажа в данном случае не работает, и выносятся решения в пользу истца. Но может ли на самом деле отвечать за товарный знак хозяин магазина?

Известно, что на прилавках рынка России большое количество продукции представлены от страны Китай, заводы которой в свою очередь “не стесняются” использовать на своих товарах чужие эмблемы, зачастую даже абсолютно сходные с европейскими. Естественно, магазин, который осуществляет продажу такого товара, как правило в курсе того, что это «подделка», что должно иметь негативные последствия для предпринимателя, но с другой стороны, если развернуть эту проблему в масштабном варианте и представить себе, что европейская компания захотела бы преследовать подделки на территории России, причем заранее зарегистрировав на этой же территории свой знак, то в конечном счете лавки магазинов либо будут пусты, либо магазины закроются вообще.

В случае подделки товарного знака должны нести ответственность в первую очередь сама компания, которая производит данный товар и поставляет в магазины продукцию. В случае магазина, на товарном знаке должна присутствовать страна производителя, то есть Китай, а в случае уже этого нарушения нести ответственность должен владелец магазина. Хотя и здесь не все так просто, ведь, зачастую на документах, которые сопровождают товар из Китая написано, что товар произведен в Европе. В таком случае владелец магазина может даже не знать, что данный товар не относится к маркировке, которая на нем указана и может быть сам введенным в заблуждении.

Санкция ст. 180 Уголовного кодекса РФ предусматривает наказание за незаконное использование товарного знака в виде штрафа либо обязательных работ. Однако, учитывая финансовые потери и возможные репутационные риски крупнейших предприятий, такие уголовно-правовые последствия представляются недостаточно справедливыми.

Если обратиться к практике, то не так давно рассматривалось дело, посвященное шоколадке «Аленка», хорошо

известная российскому потребителю. Так вот конкурентная компания-фабрика выпустила очень похожую по дизайну шоколадку «Алинка».

Как показывает статистика при выборе продукта с полки зачастую человек не вчитывается в названия, естественно понятно, что видя на одной полке две разные шоколадки с очень похожими портретами девочек, цветами, а так же созвучными именами человек может положить к себе в корзину совсем не известный уже всем бренд, а его подделку.

В данном случае было вынесено решение о снятии продукта «Алинка» с производства и вынесен запрет на использовании данной этикетки. Но достаточное ли это наказание, тогда как компания, выпускающая «Аленку» понесла большие потери в материальном аспекте. Наказание в виде штрафа существует, но как понять, что данная сумма существенна для нарушителя, не исключено, что прибыль, полученная от незаконного использования намного больше, чем штраф и компания может, зная изначально сумму штрафа, все равно ввязаться в авантюру, ради куда больших денег. Реальную «незаконную» прибыль посчитать практически невозможно, так как нельзя с уверенностью на сто процентов утверждать, что все покупатели хотели купить одно, а из-за смещения товарного знака купили другое.

Следует так же отметить, что убытки, которая принесла одна компания другой могут иметь и длительный характер. В случае, если товар (шоколад) были ненадлежащего качества (невкусный), а потребитель так и не заметил, что купил не известный бренд, а подделку, то в следующий раз покупатель не сделает свой выбор не в пользу данного продукта («Аленка»), а в сторону вообще совершенно другого конкурента. И какое количество таких потребителей уйдет на другой вид товара неизвестно и посчитать нереально.

Такую ситуацию можно рассмотреть, как объект нездоровой конкуренции, если предположить, что изначально конкурент (производитель «Алинка») поставил перед собой задачу увести клиентов, а не заработать, то есть выпустил товар сильно отличающийся от оригинала («Аленка») в худшую

сторону, тем самым понизил репутацию конкурентной компании, а при этом выпускает свой продукт, схожий по цене, под своим названием, привлек к себе большее количество потребителей.

Очевидно, что в России остро стоит вопрос о правах интеллектуальной собственности и с разных сторон законодатели делают попытки регулирования и защиты таких правоотношений. Но вспомним, что Россия совсем не так давно вышла на рыночную экономику, не так давно стали задумываться о правильной с юридической точки зрения рекламе, о товарных знаках и их защите.

¹ По данным агентства "Interbrand" — 2014 год.

² Официальный сайт суд по интеллектуальным правам <http://ipc.arbitr.ru/>

³ <http://stat.pravo.ru/>

⁴ <http://www.rupto.ru/>

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРИМЕНЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ
В СФЕРЕ ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ,
СВЯЗАННОЙ С НЕЗАКОННЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Сборник научных трудов
(по материалам II Международной научно-практической конференции.
Саратов, 25 ноября 2014 г.)

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка и обложка *А.В. Ковалья*

Подписано в печать 24.11.2014 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Arial». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 5,90. Тираж 100 экз. Заказ № 6.

«ИП Коваль Ю.В.» 410007, Саратов, ул. ак. Антонова О.А., 33.
Отпечатано в соответствии с предоставленным оригинал-макетом
в «ИП Коваль Ю.В.» 410038, г. Саратов, ул. Бакинская, 1.